

АЛИШЕР НАВОИ

ФАРХАД И ШИРИН

Перевод со староузбекского Л. Пеньковского

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

О КАЛАМЕ, О НИЗАМИ, О ХОСРОВЕ

Калам! Ты нашей мысли скороход.

Превысил ты высокий небосвод.

Конь вороной воображенья! Нет, —

Быстрее Шебдиза ты, но мастью гнед.^[1]

Неутомим твой бег, твой легкий скок,

А палец мой — державный твой седок.

Гора иль пропасть — как чрез мост, несешь.

Ты скачешь — и, как знамя, хвост несешь.

Нет, ты не конь, а птица-чудо ты:

Летать без крыльев можешь всюду ты.

Из клюва мелкий сыплешь ты агат.

Нет, не агат, — рубинов щедрый град!

Сокровищницу мыслей носишь ты,

О птица человеческой мечты!

Так рассыпал сокровища в стихах

Тот, чей в Гяндже лежит священный прах.^[2]

Он мир засыпал жемчугом своим, —

Как звезды, жемчуг тот неисчислим.

Но не растопчет грубая нога

Великого гянджинца жемчуга.

В ушах людей играет жемчуг тот,

Но, как серьга, он в грязь не упадет:

Сквозь ухо проникая в глубь сердец,

Обогащает сердца он ларец.

Нет! Жемчуг тот — по сути говоря —

Наполнить может до краев моря

Так, чтоб его веками черпал всяк
И чтоб запас жемчужный не иссяк.

Кого с тобой в сравнение ни возьми,
Никто тебе не равен, Низами!

А впрочем, был среди людей один —
На Инде певший соловей один. ^[3]

Не соловей, а Хызр. Ведь знаем мы:
Был Индустан ему страной тьмы,

А речь была той звонкой, той живой
Им найденной во тьме водой живой.

Но на ристалище со мной не он, —
Я с Низами бороться принужден.

Рукой схватив такую «Пятерню»,
В руке надолго ль силу сохраню?

У всех трещали пальцы до сих пор,
Кто с Низами вступал в подобный спор.

Быть надо львом, чтоб рядом сесть со львом,
Тем более чтоб в драку лезть со львом.

Иль не слоном таким же надо быть,
Чтоб с хоботом слоновым хобот свить?

И мушка хоботком наделена,
Но муха не соперница слона.

А предо мной слоны: гянджинский слон
Поистине — он исполинский слон!

Да и второй — не столь гигантский слон,
Но слон, однако, индустанский слон!

Обоих ты в молитвах помяни,
Обоих милосердьем опьяни.

Побольше мощи Навои прибавь —
И рядом с ними ты его поставь!

* * *

Эй, кравчий, видишь, как смятен мой дух, —
Налей две чары в память этих двух!

За них две чары эти осушу,
А за Джами я третьей осушу!

О ДЖАМИ

Хосров и Низами — слоны, но нам
Предстал Джами, подобный ста слонам.

Вино любви он пьет и меж людьми
Прославился, как Зиндепиль, Джами.^[4]

Вином единства также опьянен
И прозван Зиндепиль-Хазратом он.

Он чашу неба выпил бы до дна,
Будь чашею познания она.

Плоть в духе утопив, Джами велик, —
Скажи, что он великий материк.^[5]

Нет, — целый мир! Но как вообразить,
Что точка может мир в себе носить?

Он макрокосмом, а не миром стал!
Для двух миров Джами кумиром стал.^[6]

В убогий плащ дервиша он одет,
Но богача такого в мире нет.

Бушующее море мысли в нем.
А жемчуга ты и не числи в нем!

Жемчужин столько, сколько скажет слов.
В каком же море столь богат улов?

Дивись его словам, его делам:
Смотри — возник из пенных волн калам!

Тростник морской! Тут чудо не одно:
Что сахар в тростнике — не мудрено,

Но чтоб ронял жемчужины тростник,^[7]
Таких чудес один Джами достиг!..

Я, Навои, навек слуга Джами.
Дай сахар мне, дай жемчуга Джами:

Тем сахаром уста я услащу,
Тот жемчуг в самом сердце помешу.

* * *

Эй, кравчий! Понимай слова гуляк!^[8]
Пусть первым пьет Джами — глава гуляк!

Пусть небо превратится в пиалу —
Я буду пить и петь Джами хвалу!

ПОЯСНЕНИЕ К ПОЭМЕ

Пред тем как мне на высях этих гор
Звездою счастья послан был ковер,

То место ангел подметал крылом
И слезы звезд опрыснули потом.

И сердце здесь покой себе нашло,
Склонило небо предо мной чело.

Приглядываясь к моему листу,
Приобрело здесь утро чистоту.

И вечер приобрел свой цвет чернил,
Когда калам свой кончик зачернил.

Когда же я калам свой заострял,
Меркурий все очинки подбирал.^[9]

Калам испытывать я стал теперь,
А счастье в этот миг открыло дверь.

Войдя, оно приветствует меня,
Вином благословения пьяня:

«Бог да узрит старания твои,
Да сбудутся желания твои!

Высок айван, прекрасен тот узор,
На коем ты остановил свой взор.

Ты на вершине. Прах берешь простой
И превращаешь в слиток золотой.

Роняешь каплю пота — и она
В жемчужину тобой превращена.

Кто пьет великодушья чару, тот
Искомое в той чаре обретет.

Орел высокогорный никогда
Не замечает низкого гнезда.

И Алтаир — сияющий орел —
Меж звездами свое гнездо обрел.

Взлетит повыше мошек дерзкий рой —
И слон бессилен перед мошкаррой.

Дом живописью украшать решив,
Так выстрой дом, чтоб сам он был красив.

Пусть рифма у тебя в стихе звонка,

Пленительно преданье, мысль тонка,
Но вникни в летописи давних лет —
В их повестях ты клад найдешь, поэт.
Ты, может быть, еще откроешь клад, —
Что пропустил предшественника взгляд,
И этот клад народу предъяви,
Чтоб стал достоин ты его любви.
А подражать другим певцам — к чему?
Дам волю изложению своему.
Коня гонять чужим коням вослед —
Ни наслажденья, ни почета нет.
На той лужайке, где не первый ты,
Как соберешь ты лучшие цветы?
Ведь не одна лужайка в цветнике,
А ты не попрошайка в цветнике...»
Была мудра его благая мысль, —
Запала в сердце мне такая мысль.
Я стал раздобывать со всех сторон
Бытописания былых времен.
И награжден за то я был вполне:
Что нужно было, то открылось мне.
Нашел я много в них жемчужин-слов,
Наполнил чару мысли до краев.
Я этот жемчуг миру покажу,
Когда на нити бейтов нанижу.
Предшественники! Черпали вы здесь,
Но ценный жемчуг не исчерпан весь.
Бездонно море слов! Никто из нас
Не может истощить его запас,
И даже я, беспомощный ловец,
Нырнувший в это море, наконец,
Успел собрать столь драгоценный груз,
Что им теперь по праву я горжусь...
И вот что я по совести скажу,
Об этой старой повести скажу:
Да, сладок и поныне хмель ее,
И так же неизменна цель ее:

Людей любви запечатлеть следы —
Их судьбы, скорби, подвиги, труды.

Но все, кто прежде эту чашу пил,
Душой на стороне Хосрова был.

Его превозносили до небес:
Мол, все дела его — дела чудес;

Мол, таково могущество его,
И царство, и имущество его;

Таков, мол, конь его Шебдиз, таков
Несметный клад, что захватил Хосров,

И, мол, Шапур был шаху лучший друг
И тешил сказками его досуг;

Мол, наслаждался шах по временам
Халвой Шекер, шербетом Мариам, [\[10\]](#)

Но, мол, сей благородный властелин
Высокую любовь питал к Ширин.

Конечно, шах не знал забот и нужд,
Далек от горя был, печали чужд...

Хосрова так усердно восхвалив
И лишь ему вниманье уделив,

Все посвящали до сих пор, увы,
Фархаду лишь одну иль две главы:

Мол, горец он, каменолом простой, —
Ширин его пленила красотой,

И ради встречи с ней Фархад решил
Свершить огромный труд — и совершил.

Но шах Хосров большим ревнивцем был,
И он Фархада бедного убил...

Хоть изложенья лишь такой узор
Поэты признавали до сих пор,

Но каждый столько редких жемчугов
Искусно нанизал на нить стихов,

Что мудрости взыскующий — смущен,
О мастерстве тоскующий — смущен.

Я их читал в волнении таком,
Что горевал над каждым их стихом,

И понял, что гораздо больше их

Мне суждено страдать в трудах моих.

Свернуть на путь иной пришлось тогда:
Вот она, повесть горя и труда.

Не жемчуга и не рубины в ней, —
Кремень! Хоть он и груб, зато прочней.

Хотя на вид рубин — кусок огня,
Но искру высекают из кремня.

Нет, не кремень, а кремневой хребет.
Гряда скорбей, крутые горы бед!

На них — Фархад... Куда же убегу?
Как отвернуться от него могу?

Я сам любовной скорбью угнетен,
Бродить в горах печали осужден.

Настроив сердце на печальный лад,
Создам я повесть о тебе, Фархад.

Нет, о тебе и о Ширин! О вас
Я поведу печальный свой рассказ...

Тот златоуст — великий сын Гянджи,
Чье имя перешло все рубежи,

Кто повести впервые строил дом,
Сказал, что был Фархад каменолом.

Когда же индустанский чародей
Сей повестью пленил сердца людей,

Он, сути не меняя основной,
На многое нанес узор иной.

Его Фархаду дан был царский сан:
Его отцом китайский был хакан...

А я, ведя иначе войско слов,
Поход повел сначала, как Хосров:

Слова начала людям по душе,^[11]
Когда они знакомы им уже.

«Алиф» у веры отними — она^[12]
Из милосердия в зло превращена.

Мы в солнце видим золото. Заметь:
«Шин» отпадет — и остается медь.^[13]

Подай мне, кравчий, яркую свечу, —
Не свет свечи, свет солнца я хочу!

Едва лишь солнце горы озарит,
Я, как Фархад, начну дробить гранит.

ГЛАВА XII

РОЖДЕНИЕ ФАРХАДА

Скорбь бездетного китайского хакана.

Рождение наследника.

Тайная печать судьбы.

Ликование старого хакана.

Торжества в Китае

Товар китайский кто облюбовал,
Тот так халат цветистый расшивал.

* * *

Да, красотой своих искусств Китай
Пленяет мир и обольщает рай!..

Был некогда в Китае некий хан,
Не просто хан, — великий был хакан.

Коль этот мир и тот соединить,
Я знал бы, с чем его страну сравнить.

Был до седьмого неба высотой [\[14\]](#)
Хаканский трон роскошный золотой.

Звезд в небесах, а на земле песка
Нам не хватило б счесть его войска.

Таких богатств не видел Афридун, [\[15\]](#)
Казался б нищим перед ним Карун.

Завоеватели пред ним — рабы,
Сдают ему владенья, гнут горбы.

Как океан, как золотой рудник,
Он был богат и щедрым быть привык.

Нет, рудником глубоким не был он, —
Был солнечным высоким небом он.

Его взыскав, ему давало все
Судьбы вертящееся колесо;

Как никого, прославило его,

Единственным поставило его,

Единственным настолько, что ему
И сына не давало потому.

Венцом жемчужным обладает он, —
О жемчуге другом мечтает он.

В саду его желаний — роз не счесть,
Но есть одна — о, если б ей зацвести!

Он, люющий свет на этот мир и тот,
Сам будто в беспросветной тьме живет.

Он думает: «Что власть, хаканство? Нет,
Я вижу: в мире постоянства нет.

И вечности дворец — не очень он
Высок, пожалуй, и непрочен он.

И чаша власти может быть горька.
И человек, процарствуй хоть века,

Чуть он хлебнет вина небытия,
Поймет все то, что понял в жизни я.

Хакан, чей трон, как небосвод, высок,
Бедняк, чей кров — гнилой кошмы кусок, —

Обоих время в прах должно стереть:
Раз ветвь тонка, то ей не уцелеть...

Ты смотришь в небо тщетно, властелин, —
Где жемчуг твой заветный, властелин?

Без жемчуга — какой в ракушках прок?
Хоть океан безбрежен и глубок,

Но Жемчуга лишенный океан —
Что он? Вода! Он, как хмельной буян,

Бессмысленно свиреп, шумлив и груб,
Лицо — в морщинах, пена бьет из губ.

Хоть тополь и красив, но без плодов, —
Он только топливо, охапка дров.

От облака — и то мы пользы ждем,
Оно — туман, коль не кропит дождем.

Огонь потух — в том нет большого зла:
Раздуешь вновь, пока хранит зола

Хоть уголек, хоть искорку... А я...
Ни искрой не блеснет зола моя.

Я море безжемчужное, скажи,
Что я стоячий пруд, — не будет лжи.

Владыка я, но одинок и сир.
И лишь покину этот бренный мир,

Чужой придет топтать мои ковры,
Чужой тут будет пировать пиры,

Ласкать красавиц, отходить ко сну,
Развеивать, как пыль, мою казну,

Сокровища мои он распродаст,
И всю страну войскам врага предаст,

И клеветой мою обидит тень,
В ночь превратит моих желаний день.

Бездетен я — вот корень бед моих.
Страдать и плакать сил уж нет моих.

О господи, на боль мою воззри —
И отпрыском закат мой озари!..»

В мечтах о сыне ночи он не спал,
Он жемчуг слез обильно рассыпал.

Чтоб внял ему всевышний с высоты,
Давал обеты он, держал посты,

Он всем бездетным благодетель был,
Для всех сирот отец-радетель был.

О, предопределения перо!
Забыл хакан, что, и творя добро,

Ни вычеркнуть, ни изменить твоих
Нельзя предначертаний роковых.

Ждет человек успеха, но — гляди —
Злорадствует помеха впереди.

Не зная, радость, горе ль пред тобой,
Не стоит спорить со своей судьбой.

Хакан с ней спорить не хотел, не мог, —
Но он молился — и слышал бог...

* * *

Иль новый месяц так взошел светло?
Не месяц — солнце новое взошло.

Не солнце — роза. Но ее не тронь:
Не роза расцвела — возник огонь.

О, не подумай, что огонь так жгуч:
То вспыхнул скорби неумной луч...

Едва младенец посмотрел на свет,
Судьбою был ему на перст надет

Печали перстень, и огнем пылал
В его оправе драгоценный лал.

Не сердце получил младенец, — он
Был талисманом горя наделен,

И просверлил нездешний ювелир
Свое изделие, выпуская в мир.

В его глазах — туман грядущих слез,
В его дыхание — весть гнетущих грез,

Печать единоголюбия на лбу
Предсказывала всю его судьбу.

Сказало небо: «Царь скорбящих он».
Сказал архангел: «Царь горящих он».

Хан ликовал. Он стал настолько щедр,
Что море устыдил и глуби недр.

Издав хакан указ: дома должны
Шелками, по обычаю страны,

Так быть украшены, чтоб уголка
Не оставалось без шелков... Шелка —

Узорные, тяжелые, пестрят,
Украсили за домом дом подряд.

Китай разубран, разрисован весь,
Народ ликует — он взволнован весь.

В те дни народ мог делать, что хотел,
Но нехороших не случилось дел.

С тех самых пор, как существует мир,
Нигде такой не праздновался пир.

Все скатерти — не меньше неба там,
Как диски солнца, были хлебы там.

Снял с землепашцев, как и с горожан,
За пятилетье подати хакан.

Народ в веселье шумном пребывал,
И караван невзгод откочевал

Из той страны китайской, и она —

Счастливейшая среди стран страна:

Нет ни морщинки на ее чертах,^[16]

А если есть кой-где, то в городах...

* * *

И мне хоть кубок выпить, кравчий, дай

Той красной влаги, что на весь Китай

Лилась рекой на щедром том пиру,

Чтоб вдохновиться моему перу!

ГЛАВА XIII

ВОСПИТАНИЕ ФАРХАДА

Кто и почему назвал младенца Фархадом?

Физическое и умственное развитие Фархада.

Учитель царевича. Успехи в науках.

Успехи в рыцарских доблестях.

Характер Фархада. Любовь народа к Фархаду

Хакана сыном наградил творец,

Наградой осчастливлен был отец.

* * *

И стал хакан раздумывать, гадать,

Какое бы младенцу имя дать:

От блеска красоты его — Луне

Прибавлен блеск и Рыбе в глубине.^[17]

С царевичем (так было суждено)

И счастье государства рождено.

Хакан подумал: «В этом смысл найди:

Блеск — это «фарр», а знак судьбы — «хади».^[18]

Так имя сыну дал хакан: Фархад...

Нет, не хакан, — иные говорят,

Сама любовь так нарекла его,

Души его постигнув естество.

Не два понадобилось слова ей, —

Пять слов служило тут основой ей:

«Фирак» — разлука. «Ах» — стенаний звук,

«Рашк» — ревность, корень самых горьких мук,

«Хаджр» — расстаиванье. «Дард» — печали яд.

Сложи пять первых букв, прочтешь: «Фархад».^[19]

Как золотая клетка ни блестит,
Однако птица счастья в ней грустит.

Пышна Фархада колыбель, но в ней
Все плачет он, тоскует с первых дней.

Невеста небосвода день и ночь ^[20]
С него очей не сводит: чем помочь?

Десятки, сотни китаянок тут,
Как соловьи сладчайшие, поют,
Но в нем печаль, какой у детства нет, —
Навеять сон Фархаду средства нет!

Кормилица ему давала грудь —
К соску ее он не хотел прильнуть,
Как тяжелобольной, который в рот
И сладкий сок миндальный не берет.

Другую пищей дух его влеком,
Другим Фархад питался молоком:

То — молоко кормилицы любви, —
Ему в духовной вылиться любви.

Фархад особенным ребенком рос:
Как муравей питаюсь, львенком рос.

В год — у него тверда была нога,
В три — не слова низал, а жемчуга,

И речь его не речью ты зови, —
Зови ее поэмою любви.

В три года он, как в десять, возмужал,
Все взоры этим чудом поражал...

Отец подумал, что пора начать
Наследника к наукам приобщать.

Учителя нашел ему хакан,
Чьи знания — безбрежный океан,

Кто так все тайны звездных сфер постиг,
Что в них читал, как по страницам книг,

И, на коне раздумья вверх несясь,
Все отмечал, все приводил он в связь;

Хотя и до него был разделен
На много клеток небосвод, но он

Так мелко расчертил его зато,
Что небо превратилось в решето.

И если мудрецам видны тела,
То телом точка для него была.^[21]

Постиг он все глубины естества,
И математики, и божества.

Был в Греции он, как философ, чтим, —
Стал Аристотель школьник перед ним...

Сказал мудрец Фархаду: «Полюби
Науку с корешка — от «Алиф-Би».^[22]

«Алиф» воспринял как «алам» Фархад,^[23]
«Би» как «бела» истолковать был рад.

Тот день был первым днем его побед, —
Он в первый день освоил весь абджед.^[24]

Умом пытлив и прилежаньем рьян,
Он через год знал наизусть Коран.

Знал все построчно, постранично он,
Ни слова не читал вторично он.

Но, раз прочтя, все закрепит в мозгу,
Как бы резцом наносит на доску...

И лишь когда он про любовь читал,
Он те страницы вновь и вновь читал,

И чувствовал себя влюбленным сам,
И предавался грусти и слезам;

И если так влюбленный горевал,
Что ворот на себе в безумстве рвал,

То и Фархад проклятья слал судьбе,
Безумствовал, рвал ворот на себе.

Не только сам обидеть он не мог, —
Ничьих страданий видеть он не мог.

Всегда душой болея за других,
Он, как мудрец, был молчалив и тих.

Отца он в размышления поверг,
У матери — в печали разум мерк.

Хан утешал: «Все дети таковы».
Мать плакала: «Нет, только он, увы!»

Ах, не могли они его судьбу

Прочесть на этом скорбном детском лбу!

Когда Фархаду стало десять, — он
Во многих был науках искушен,

И в десять лет имел такую статью,
Какой и в двадцать не дано блистать.

Все знать и все уметь хотел Фархад.
Оружием наук владел Фархад,

Оружием отваги — силой сил —
Теперь он также овладеть решил,

И не остался пред мечтой в долгу:
В кольцо сгибал он радуги дугу,

Соединять ее концы он мог,
Соединяя Запад и Восток.

Тупой стрелой он мог Арктур пронзить,
А острой мог зенит он занозить;

Планету Марс он на аркан ловил,
Созвездью Льва хребет он искривил;

Он выжал воду из созвездья Рыб;
Он шестопером семь бы сфер прошиб.

Со скоростью круженья сфер — свое
Умел меж пальцев он вращать копье

Так, что казалось — он прикрыт щитом,
Полнебосвода им затмив притом.

Он горы так умел мечом рассечь,
Что прорубал в горах ущелья меч.

И пусть гора одета сплошь в гранит, —
Навек прорехи эти сохранит.

Под палицей его Альбурз бы сам
Взлетел мельчайшим прахом к небесам.

Когда б он руку Руин-Тену сжал, ^[25]
И Руин-Тен, как мальчик бы, визжал.

Но хоть ученым он прослыл большим
И был, как богатырь, несокрушим,

Он скромн был, как новичок, едва
По буквам составляющий слова.

Он силой не хвалился никогда,
Ни в чем не заносился никогда,

И равнодушен к власти, он скорей
На нищенство сменил бы власть царей.

Он сердцем чист был и очами чист,
Всем существом, как и речами, — чист,

Чистейшее на свете существо!
И весь Китай боготворил его,

И чуть прохладный дунет ветерок,
Молились все, чтоб бог его берег,

И каждый достоянья своего
И жизни бы лишился за него!

А чтоб не знал ни бед, ни горя он,
Чтоб никакой не ведал хвори он,

Хан щедро подаянья раздавал,
Что день, то состоянья раздавал.

Фархад достиг четырнадцати лет,
Но боль в душе носил, как амулет...

* * *

Вина печали нам подать изволь,
Чтоб заглушить в душе печали боль:

Пока беда не занесла свой меч,
Пусть пир шумит, а мы продолжим речь.

ГЛАВА XIV

ОБРЕЧЕННОСТЬ ФАРХАДА

Юность. Врожденная скорбь.

Страстное влечение к рассказам о несчастной любви.

Старания хакана развеселить сына.

Искусство чародеев. Дворец Весны.

Дворец Лета. Дворец Осени.

Дворец Зимы. Вазир Мульк-Ара

Тот зодчий, что такой дворец возвел,
В нем все предусмотрел и все расчел.

* * *

Любовь сказала: «Мной Фархад избран, —
Румянец розы превращу в шафран».

На стройный стан его давя, печаль

Решила изогнуть «Алиф», как «Даль». [\[26\]](#)

Клялась тоска: «Он мной заморожен, —
Из глаз его навек похищу сон!»

Мечтала скорбь: «Разрушу я потом
До основания этот светлый дом...»

Хоть замыслов судьбы предречь нельзя,
Но не заметить их предтеч — нельзя:

Готовя нам злодейский свой удар,
В нас лихорадка зажигает жар;

Пред тем как осень оголит сады,
Шафранный яд уже налит в сады;

Кому судьба грозит бедой большой,
Тот омрачен заранее душой;

Хотя пиров не избегал Фархад,
Но в сладость их тоска вливала яд.

Он пьет розовоцветное вино, —
Не в сласть ему, заметно, и вино.

И музыка звучит со всех сторон, —
И музыкой Фархад не ободрен.

Не веселит ни песня, ни рассказ,
Ничто не радует ни слух, ни глаз.

А если в грустных месневи поют
О двух влюбленных, о любви поют, —

Иль о Меджнуне вдруг заговорят, —
В слезах, горя, слушает Фархад...

Отец вздыхал: «Что это значит все?
Что сын тоскует, что он плачет все?»

Иль мой Китай совсем безлюден стал?
Иль он диковинами скуден стал?

Иль девушки у нас нехороши,
Жасминогрудые, мечта души?

Иль нет у нас искусных шукарей,
Что чудеса творят игрой своей:

Из чаши неба достают мячи,
Проглатывают острые мечи;

Стянуть умеют мастера чудес
Фигуру с шахматной доски небес.

Во тьме ночной умеют вызвать день,
День затмевают, вызвав ночи тень;
Черпнут воды ладонью — в ней огонь,
Черпнут огонь — полна воды ладонь;
На паутинке держат тяжкий груз,
Меняют вид вещей и пищи вкус,
И делают иные чудеса,
В смущенье приводя и небеса...»

О чародеях вспомнив, с той поры
Хакан их приглашал на все пиры.

Царевича их мастерство влекло,
Оно в нем любопытство разожгло,

И стал следить за их работой он,
Вникал во все с большой охотой он,

Постиг все тайны их волшебных дел
И, наконец, к ним также охладел.

Да, свойство человека таково:
Все недоступное влечет его,

Для достижения не щадит он сил,
Но лишь достиг желанного — остыл...

Когда хакан увидел, что Фархад
Уже всем этим радостям не рад,

Он призадумался и духом пал:
Казалось, он все средства исчерпал.

Но нет, — придумал! О, любовь отца!
Четыре будет строить он дворца:

«Четыре времени имеет год, —
Для каждого дворец он возведет.

Пусть в них живет поочередно — пусть
В них навсегда Фархад забудет грусть,

И каждый раз, живя в дворце ином,
Иным пусть наслаждается вином.

Каков дворец — таков при нем и сад, —
Там розы самоцветами висят.

Дворцу весны, приюту нежных грез,
Приличествует цвет весенних роз,
Пленяет зелень летом нам сердца, —

Зеленый цвет — для летнего дворца.

Ты так его, строитель, сотвори,
Чтоб садом был снаружи и внутри.

А третьему чтобы нашел ты цвет,
Как осени шафранно-желтый цвет.

И золотом его щедрей укрась,
Чтоб с осенью была полнее связь.

Дворец четвертый для зимы построй,
Чтоб спорил белизною с камфарой,

Чтоб он сверкал, как горный лед, как снег, —
Дворец для: зимних радостей и нег!

Когда же все четыре завершим, —
Невиданное в мире завершим.

Земных сравнений им не выбирай, —
В любой дворец Фархад войдет, как в рай,

В Китае соберу со всех концов
Красавцев и красавиц для дворцов, —

Гилманов, гурий поселю я там,
Наследника развеселю я там.

Скорей представь нам, зодчий, чертежи, —
Всю мудрость, дар свой, душу в них вложи.

И тотчас же ремесленных людей
Мы соберем по всей стране своей,

Чтоб каждый в дело все искусство внес,
Будь живописец иль каменотес, —

Чтоб вытесать побольше плит могли б
Из каменных разнопородных глыб,

Дабы из них полы настлать потом
Иль выложить дворцовый водоем;

Картины пусть нам пишут для дворцов,
Пусть шелком нам их вышьют для дворцов,

Чтоб каждый миг, куда б ни бросил взгляд,
Искусством развлекаться мог Фархад.

Покуда же последний из дворцов
Не будет окончательно готов,

Мы также сыну не дадим скучать:
Фархад ремесла станет изучать,

И, чем трудиться больше будет он,
Тем скорбь свою скорей забудет он...»

Хакан повеселел от этих дум.
Но одному трудней решать, чем двум.

Был у него один мудрец-вазир,
Прославленный на весь китайский мир.

Благоустроен был при нем Китай,
Украшен был его умом Китай.

Велик вопрос был иль ничтожно мал,
Шах только с ним дела предпринимал.

Вазиру имя было Мульк-Ара. [\[27\]](#)

Он был душой хаканского двора,

Он преданнейшим человеком был,
Он при Фархаде атабеком был,

И за Фархада, как родной отец,
Скорбел немало тот вазир-мудрец.

И в этот раз хакан послал за ним —
И поделился замыслом своим.

И тот сказал хакану: «Видит бог,
Мудрей решенья ты найти не мог.

Скорей за дело, чтоб Фархад не чах...»
И дело все ему доверил шах.

И Мульк-Ара, душой возликовав,
Перед хаканом прах поцеловав,

Ушел и дома стал вести учет
Припасов, средств, потребных для работ...

* * *

Подай мне, кравчий, чистого вина, —
Постройки роспись вся завершена.

Не вечны и небесные дворцы,
Что ж наши легковесные дворцы?!

ГЛАВА XV

СТРОИТЕЛЬСТВО ДВОРЦОВ

*Выбор места. Приглашение мастеров.
Зодчий Бани. Художник Мани.*

*Мастер каменных дел Карен.
Строительство. Приезд царевича.
Фархад увлечен искусством Карена*

ГЛАВА XVI

ОТДЕЛКА ДВОРЦОВ

*Обучение у каменотеса Карена.
Тайна закалки горных орудий.
Изучение живописи. Отделка дворцов.
Гурии во дворцах. Бассейны с вином.
Награждение строителей.
Заготовка пиршественных припасов*

ГЛАВА XVII

ПИРЫ ВО ДВОРЦАХ

*Весенний пир. Летний пир.
Осенний пир. Зимний пир.
Конец пирам. Снова роковая скорбь.
Отчаяние хакана*

ГЛАВА XVIII

ХАКАН ПРЕДЛАГАЕТ ФАРХАДУ СВОЙ ТРОН

*Размышления хакана о сыне.
Что в дerviше достоинство — то в правителе порок.
Мера милостей и мера кар.
Яд убивают противоядием. Юность и старость.
Над кем смеется гребешок? Предложение хакана.
Отказ Фархада от власти.
Вынужденное согласие Фархада*

ГЛАВА XIX

ЗЕРКАЛО ИСКАНДАРА [\[28\]](#)

*Сокровищница хакана. Таинственный ларец.
Надпись на зеркале Искандара.
Что ждет того, кто отправится в Грецию?*

Предупреждение смельчаку. Фархад теряет покой

Кто вяжет в книгах тонких мыслей вязь,
Так свой рассказ украсил, вдохновясь.

* * *

Лишь получил хакан такой ответ —
Желания сердечного предмет,

Он радостью настолько полон стал,
Что весь Китай ему казался мал.

Каких он ни придумывал наград,
Все большего заслуживал Фархад.

Сокровища подземных рудников?
Нет! Им цена — не больше черепков!

Сокровища морей? Что жемчуга,
Что камешки, — цена недорого!

Не знал хакан, чем сына одарить:
Решил хакан хранилища открыть.

Не говори — хранилища, не то:
Сто рудников и океанов сто!

Тех ценностей ни сосчитать нельзя,
Ни в сновиденьях увидеть нельзя.

Владелец клада мудрости — и тот
Лишь от рассказа горем изойдет.

Туда вступивший проходил подряд
Чрез сорок первых кладовых-палат.

А в каждой — сорок урн. Не выбирай:
Все золотом полны по самый край!

А золота, хоть в каждой равный вес,
Но что ни урна — то сосуд чудес.

Так, золото в одной копнешь, как воск:
Что хочешь делай, — разомнешь, как воск!

И снова сорок кладовых-палат,
Но здесь шелками очарован взгляд.

По сорок тысяч было тут кусков
Пленительных узорчатых шелков.

Тут изумленью не было границ,
Тут перворазум повергался ниц

Пред красотою всяческих чудес

И пред искусством ткаческих чудес.

Не только шелк в кусках, — одежд таких
Не выходило из-под рук людских.

Не ведавшим ни ножниц, ни иглы,
Земной им было мало похвалы.

Так создавал их чародей-портной
В своей сверхсовершенной мастерской.

В одной из этих шелковых палат
Хранитель показал такой халат,

Что не один, а десять их надев
На стройный стан любой из райских дев,

Сквозь десять — так же розово-чиста —
Прельщала б райской девы нагота...

Для мускуса особый был амбар,
Где на харвар навален был харвар.

И если б счетчик разума пришел,
И тысячной бы части он не счел

Несметных драгоценностей: и он
Был бы таким количеством смущен.

Как кровь, был влажен там любой рубин, —
Он слезы исторгал из глаз мужчин,

А каждое жемчужное зерно
Могло лишить и жизни заодно.

Еще другое было чудо там:
Хранилось тысяч сто сосудов там —

Хрусталь и яшма. Годовой налог
С большой страны их окупить не мог.

Сто самых ценных выбрал казначей, —
Мир не видал прекраснее вещей!

Чем больше шах и шах-заде глядят,
Тем больше оторваться не хотят.

Глядят — и то качают головой,
То молча улыбаются порой...

Но зрелищем пресыщен, наконец,
Фархад заметил в стороне ларец.

Как чудо это создала земля!
Был дивный ларчик весь из хрусталя, —

Непостижим он, необыден был.
Внутри какой-то образ виден был,
Неясен, смутен, словно был далек, —
Неотразимой прелестью он влек.

В ларце замок — из ста алмазов... Нет!
То не ларец, то замок страшных бед!

Ничем не отомкнешь его врата, —
Так эта крепость горя заперта!

Сказал Фархад: «Мой государь-отец!
Хочу хрустальный разглядеть ларец:
На диво все необычайно в нем, —
Скрывается, как видно, тайна в нем.

Чтоб разгадать я тайну эту мог,
Пусть отомкнут немедленно замок!»

Пытался скрыть смущение хакан,
И начал с извинения хакан:
«Нельзя твоей исполнить просьбы нам.
Открыть ларец не удалось бы нам:

Нет от него ключа — вот дело в чем,
А не открыть его другим ключом.

И сами мы не знаем, что таит
Ларец, столь обольщающий на вид».

Царевича не успокоил шах,
В нем любопытство лишь устроил шах.

Фархад сказал: «Что человек творил,
То разум человеческий открыл,
И, значит, размышления людей —
Такой же ключ к творениям людей.

А так как я во все науки вник,
То трудностей пугаться не привык.

Но если суть ларца я не пойму,
То нет покоя сердцу моему!...»

Но как Фархада шах ни вразумлял,
Как ни доказывал, ни умолял,
Царевич все нетерпеливей был,
Настойчивее и пытливей был.

И понял шах, что смысла нет хитрить,

Что должен сыну правду он открыть.

И приказал он отомкнуть замок,
И зеркало из ларчика извлек.

Магическое зеркало! Оно, —
Столетиями в хрусталь заключено,

Как в раковине жемчуг, — в том ларце
Хранилось у хакана во дворце.

Нет! Словно солнце в сундуке небес,
Хранилось это зеркало чудес.

Мудрец его украсить так решил,
Что тайно сзади тайну изложил:

«Вот зеркало, что отражает мир:
Оно зенит покажет и надир;

Четыреста ученых вместе с ним
(С Платоном каждый может быть сравним)

Над зеркалом трудились. Миру в дар
Его оставил Искандар-сардар.

Проникшие в начала и концы,
Всеведущие в сферах мудрецы,

Постигшие взаимосвязь планет,
Обдумывали дело много лет,

Счастливую отметили звезду
И вдохновенно отдались труду.

Кто зеркало найдет в любой из стран,
Тот обретет в нем дивный талисман.

Послужит только раз оно ему:
Но что судьбой указано ему,

Что неизбежно испытает он,
Что скрыто смутной пеленой времен, —

Будь горе или счастье — все равно:
Оно явиться в зеркале должно.

Но зеркало заключено в ларец.
Его открыть решится лишь храбрец,

Кто муки духа может побороть,
Не устрасась обречь на муки плоть.

Тот, кто замок захочет отомкнуть,
Тот пусть узнает древней тайны суть:

Есть мудростью венчанная страна.
Зовется в мире Грецией она.

Но и мудрейший среди греков грек —
Лишь прах своей страны, лишь человек.

Там каждый камень — жемчуг из венца
Мудрейшего из мудрых мудреца;

Любая травка там целебна, там
Целебен воздух, все волшебное там;

Что ни долина — то цветной ковер,
Что ни вершина — небесам упор.

Ты должен, человек, туда пойти.
Знай, встретишь ты препятствия в пути.

На трех последних переходах — три
Опасности подстерегут. Смотри:

На первом переходе — змей-дракон:
Из божьего он гнева сотворен.

А на втором — жестокий Ахриман,
В нем — сила, злоба, хитрость и обман.

Но самый трудный — третий переход:
Там талисман тебя чудесный ждет.

Три перехода трудных совершив,
Препятствия на каждом сокрушив,

Сверши последний переход, герой:
Остановясь перед большой горой, —

Пещеру обнаружишь в ней: она,
Как ночь разлуки черная, черна.

В пещере той живет Сократ-мудрец.
Он, как Букрат, велик, стократ мудрец!^[29]

Войдешь в пещеру. Если старец жив,
Утешит он тебя, благословив.

А если грек премудрый мертв уже,
Ты к вечной обратись его душе —

И узел затруднений всех твоих
Премудрый дух развяжет в тот же миг...»

Вот что прочел взволнованный Фархад:
Застыл, как очарованный, Фархад.

И он с тех пор забыл питье, еду,

Одною думой жил он, как в бреду.

Все понял шах: пришла беда опять!

Но сыну он решил не уступать.

Царевич стал просить. Но каждый раз

Он от хакана получал отказ.

И, хоть упрямым не был ведь Фархад,

Стал, наконец, и требовать Фархад.

Тут начал шах оттягивать ответ:

То скажет «да», то снова скажет «нет».

И сын страдал, и мучился отец.

О, испытанье двух родных сердец!..

* * *

Дай, кравчий, мне пьянейшего вина!

Задача мне труднейшая дана.

Но сколь ни жестока судьба, — одно

Есть средство побороть ее: вино!

ГЛАВА XX

ФАРХАД МЕЧТАЕТ О ПОДВИГАХ

Неотступные мечты. Объяснение с Мульк-Арой.

Фархад угрожает побегом из дому.

Напрасные увещевания. Хакан соглашается.

Отправление в Грецию

ГЛАВА XXI

ПОХОД В ГРЕЦИЮ

Беседа хакана с греческими мудрецами.

В пещере отшельника Сухейля.

Завещание мудреца Джамаспа.

Саламандровое масло. Смерть Сухейля

ГЛАВА XXII

ФАРХАД УБИВАЕТ ДРАКОНА

Снаряжение на первый подвиг.

*Черная степь. Дракон.
Нечувствительность к огню.
Дракон унизан стрелами. Чудовище издыхает.
Сокровища в пещере дракона.
Меч и щит царя Сулеймана*

ГЛАВА XXIII

ФАРХАД УБИВАЕТ АХРИМАНА

*Снаряжение на второй подвиг.
Заколдованные джунгли. Ахриман.
Взлет Ахримана на воздух с горой в руках.
Сулейманов щит в действии.
Сокровищница Ахримана. Сулейманов перстень*

ГЛАВА XXIV

ФАРХАД ДОБЫВАЕТ ЗЕРКАЛО МИРА

*Снаряжение на третий подвиг.
Старец у ручья. Наставления Хызра.
Тропа к замку Искандара. Сторожевой лев.
Железный воин-истукан. Стрела попадает в цель.
Сто железных воинов Искандара. Зеркало мира*

В тот час, когда уставший за ночь мрак
Свой опускал звездистый черный стяг,
И, словно Искандара талисман,
Заголубли сферы сквозь туман, —
Фархад, опять в доспехи облачась,
На подвиг шел, препятствий не страшась.
К ногам отца склонился он с мольбой —
Благословить его на этот бой.
Молитву перстня на коне твердя,
Полдневный путь пустынею пройдя,
Увидел он лужок невдалеке,
Увидел родничок на том лужке.
Тот родничок живую воду нес, —
Он был прозрачней самых чистых слез.
Верхушками в лазури шевеля,
Вокруг него стояли тополя,

И каждый тополь, словно Хызр живой, —
Росою жизни брызнул бы живой!

Фархад подъехал, привязал коня.
У родничка колени преклоня,
И, об успехе богу помолясь,
Он в той воде отмыл печали грязь.

Едва окончил омовенье он,
Заметил в это же мгновенье он

С ним рядом у живого родника
Какого-то седого старика.

Тот старец был в зеленое одет,
Лицом, как ангел, излучал он свет, —

Скажи, сиял он с головы до ног!
И молвил старец ласково: «Сынок!

Будь счастлив и все горести забудь.
Я — Хызр. И здесь я пересек твой путь,
Чтоб легче ты свершил свой путь отсель
Чтоб счастливо свою обрел ты цель.

Как Искандар, скитался годы я,
Как он, искал живую воду я.

Я вместе с ним ее искал и с ним
Был бедствиями страшными казним.

И с ним попал я в область вечной тьмы,
Где ночь и день равно черней сурьмы.

Однако одному лишь мне тогда
Открылась та заветная вода,

А Искандар воды не уследил —
И жажду духа он не утолил.

Гадать по звездным стал дорогам он,
Стал знаменитым астрологом он.

Он связывает нити тайных дел,
Я их развязываньем овладел.

Знай, Искандаров талисман, мой сын,
Расколдовать могу лишь я один.

Недаром называюсь Хызром я:
Помочь тебе всевышним призван я.

Теперь запомни: продолжая путь,

Считать шаги усердно не забудь.

Когда достигнешь лысого бугра,
На горизонте вырастет гора,

По виду — опрокинутый казан:
Она и есть — тот самый талисман!

С бугра спустясь, будь точен и толков:
Двенадцать тысяч отсчитай шагов.

Но так я говорю тебе, смельчак:
Раскаяньем отмечен каждый шаг!

Путь перейдет в тропу. Тропа — узка,
Она ровна, но, словно лед, скользка.

На двух ее обочинах — гранит,
Острей мечей отточенных гранит.

Чуть шаг ступил — и соскользнул с тропы.
Скользнул — от раны не спасешь стопы.

Кто слаб, тот, горько плача и крича,
Вернется к водам этого ключа.

Но сильный духом — отсчитает так
Одиннадцатитысячный свой шаг.

Тут будет крепость. На стальных цепях
К ней лев прикован — воплощенный страх.

Пасть у него — ущелье, а не пасть:
Взглянуть нельзя, чтоб в обморок не пасть.

Но смельчака, кто, страх преодолев,
Пойдет на льва, не тронет страшный лев:

Его судьба теперь в его руках.
Врата твердыни — в тысяче шагах.

За сто шагов — гранитная плита, —
Натужься, сдвинь — откроются врата.

Войдешь — стоит железный истукан:
Вид — человека, воин-великан,

И лук железный держит воин тот,
И он стрелу на тетиву кладет,

А та стрела — и камень просверлит.
Такой дозорный в крепости стоит!

Весь в латах страж от головы до пят,
Горит, пылает жар железных лат.

На грудь навешен, как металлический диск,
Солнцеслепительный зеркальный диск:

Вонзи в него стрелу со ста шагов,
Не оцарапав и не расколов, —

И вмиг — людоподобный исполин
На землю рухнет. Но не он один:

На крепостных стенах их сотня тут, —
И все в одно мгновение упадут,

И замок-талисман в тот самый миг
Откроется пред тем, кто все постиг.

Но если кто в мишень и попадет,
Но зеркало стрелою разобьет, —

Все стрелы полетят в него — и он,
Как жаворонок, будет оперен.

Похож на клетку станет он, но в ней
Не запоеет отныне соловей...

Все в памяти, сынок мой, сбереги:
На всем пути считай свои шаги.

Не делай шага на своем пути,
Чтоб имя божье не произнести.

Лишь пасть отверзнет лев сторожевой,
Немедля в пасть ты бросишь перстень свой.

Твой перстень отрыгнув, издохнет зверь.
Поднимешь перстень и пойдешь теперь

Еще на девятьсот шагов вперед:
Плита тебе ворота отопрет.

А зеркало стрелой не расколоть
В тот миг тебе поможет сам господь.

Ступай и делай все, как я сказал...»
Прах перед ним Фархад облобызал —

И в путь пустился, помня те слова;
Шаги считая, он дошел до льва.

Он бросил перстень в льва — и зверь издох:
Дошел до камня — сдвинул, сколько смог, —

И сразу же услышал голоса:
Шум за стеной высокой поднялся.

Но лишь открылись крепости врата,

В ней смерти воцарилась немота.

Глядит Фархад, не знает — явь или блажь:
Стоит пред ним железный грозный страж —

И сто стрелков железных на стене
Натягивают луки, как во сне.

Молитвою сомнения глуша,
Спустил стрелу царевич не спеша —

И в средоточье зеркала, как в глаз,
Не расколов его, стрела впилась.

(Так женщина, к любимому прильнув
И робко и томительно мигнув,

Возобновляя страсть в его крови,
Медлительно кладет клеймо любви.)

Когда молниеносная стрела
Покой в зеркальном диске обрела,

Свалился вмиг железный Руин-Тен,
И сто других попадали со стен...

Освободив от истуканов путь,
Свободно к замку-талисману в путь

Пошел Фархад, и кованая дверь
Сама раскрылась перед ним теперь.

Богатства, там представшие ему,
Не снились и Каруну самому:

И Запад и Восток завоевав,
Тягот немало в жизни испытал,

Сокровища из побежденных стран
Свозил Руми в свой замок-талисман...

* * *

Был в середине замка небольшой,
От прочих обособленный покой.

Он вокруг себя сиянье излучал,
Загадочностью душу обольщал.

Фархад вошел, предчувствием влеком;
Увидел солнце он под потолком, —

Нет, это лучезарная была
Самосветящаяся пиала!..

Не пиала, а зеркало чудес, —

Всевидящее око, дар небес!

Весь мир в многообразии своем,
Все тайны тайн отображались в нем:

События, дела и люди — все,
И то, что было, и что будет, все.

С поверхности был виден пуп земной.
Внутри вращались сферы — до одной.

Поверхность — словно сердце мудреца,
А внутренность, как помыслы творца.

Найдя такое чудо, стал Фархад
Не только весел и не только рад,

А воплощенным счастьем стал он сам,
К зеркальным приобщившись чудесам...

Оставив все на месте, он ушел,
Обратно с дивной вестью он ушел.

У родника он на коня вскочил, —
Утешить войско и отца спешил.

От груза горя всех избавил он,
Свои войска опять возглавил он.

Войска расположив у родника,
С собой он взял вазира-старика —

И в замок Искандара поутру
Привел благополучно Мульк-Ару.

Все для отца вручил вазиру он,
Поднес ему и чашу мира он. [\[30\]](#)

К стоянке лишь с вечернею зарей
Пришел царевич вместе с Мульк-Арой...

Когда фархадоликая луна,
Сияющим спокойствием полна,

Разбила талисман твердыни дня,
И солнце-Искандар, главу склоня,

Ушло во мрак, и легендарный Джем
Незримо поднял чашу вслед за тем, —

У родника живой воды вазир
Устраивал опять богатый пир.

Вино из чаши Джема пили там,
До дна не пивших не любили там,

Там пели о Джемшиде до утра,
Об Искандаре, сидя до утра.

* * *

Эй, кравчий, пир мой нынешний укрась:
Налей Джемшида чашу, не скупясь!

Напьюсь — мне Искандаров талисман
Откроет тайны всех времен и стран!

ГЛАВА XXV

ФАРХАД У СОКРАТА

*Пещера Сократа. Тысячелетнее ожидание.
Предсказание судьбы Фархада.
Роковая любовь и бессмертная слава.
Свойства зеркала Искандара.*

Когда Сократ зари свой светлый взор
Уже направил на вершины гор
И астролябией небесных сфер
Осуществлял надмирный свой промер, —
Фархад молитвы богу воссылал
И буйного коня опять седлал.
Не колебался, — верил свято он,
Что путь найдет к горе Сократа он.
Пошли за ним вазир и сам хакан,
Но не гремел походный барабан:
Войскам на месте быть велел Фархад,
В охрану взял он лишь один отряд...
Пустынную равнину перейдя,
Цветущую долину перейдя,
Остановились пред крутой горой:
Земля — горсть праха перед той горой.
В стекле небес лазурном — та гора,
Вздымалась до Сатурна та гора.
Она, как исполинский дромадер,
Горбом касалась высочайших сфер.
Вершина — вся зубчата, как пила...
Нет, не пилой, — напильником была,
Обтачивавшим светлый, костяной
Шар, нами именуемый луной.
Не сам напильник бегал взад-вперед, —
Кость вокруг него свершала оборот.
Но, впрочем, шар отделан не вполне:
Изъяны в виде старца — на луне.^[31]
Не счесть ключей волшебных на горе,

Не счесть и трав целебных на горе.

Подножию горы — обмера нет,
В подножии — числа пещерам нет,

И так они черны, и так темны, —
В них почернел бы даже шар луны.

Внутри пещер немало гор и скал,
Там водопадов грохот не смолкал,

Текли там сотни озверелых рек,
Вовек не прекращавших дикий бег.

В пещерах гор пещерных не один
Кровавый змей гнезвился — исполин...

Все о горе узнать хотел Фархад,
И в чашу Джема поглядел Фархад.

Он увидел все страны света в ней, —
Воочию не видел бы ясней.

Он на семь поясов их разделил
И Грецию в одном определил.

Затем в разведку взоры выслал он —
И место той горы исчислил он.

Вот перед ним вся в зеркале она, —
Пещера за пещерой в ней видна.

Он наяву не видел так пещер:
Смотрело зеркало сквозь мрак пещер.

И вот одна: приметы говорят,
Что в ней живет великий грек — Сократ.

Теперь Фархад нашел и тропку к ней.
Все шли за ним, приблизясь робко к ней.

Вошел царевич, зеркало неся:
Пещера ярко озарилась вся.

Препятствий было много на пути, —
Казалось, им до цели не дойти.

Вдруг — каменная лестница. По ней
Они прошли с десятков ступеней

И на просторный поднялись айван.
Вновь переход кривой, как ятаган,

И в самой глубине возник чертог...
Как преступить святилища порог?

Но голос из чертога прозвучал:
Переступить порог он приглашал.

Вошли не все, а лишь Фархад с отцом
И с верным их вазиром-мудрецом,
Как мысли входят в сердца светлый дом,
Так, трепеща, вошли они втроем.

Вступили в храм познания они —
Ослепли от сияния они.

То совершенный разум так сиял,
То чистый дух, как зодиак, сиял.

Свет исходил не только от лица, —
Лучился дух сквозь тело мудреца.

Кто, как гора, свой отряхнул подол
От всех мирских сует, соблазнов, зол

И, с места не сдвигаясь, как гора,
Стал воплощеньем высшего добра, —

Тот плоть свою в гранит горы зарыл,
А дух в граните плоти он сокрыл.

Но и сквозь камень плоти дух-рубин
Лучился светом мировых глубин...

Он в мире плотью светоносной был,
Он отраженьем макрокосма был.

Все было высокосогласным в нем,
А сердце было морем ясным в нем,

В котором сонм несметных звездных тел,
Как жемчуг драгоценнейший, блестел!

Лик — зеркало познания божества,
В очах — само сиянье божества.

Где капля пота падала с чела, —
Смотри, звезда сиять там начала.

Лишь телом к месту он прикован был,
А духом — странником веков он был.

Любовь и кротость — существо его,
А на челе познания торжество.

Перед таким величьем мудреца
У всех пришедших замерли сердца,

И дрожь благоговенья потрясла

Упавшие к его ногам тела.

* * *

Сократ спросил, как долго шли они,
Как трудный путь перенесли они

И через много ль им пришлось пройти
Опасностей, страданий на пути.

Но каждый, выслушав его вопрос,
Как будто онемел и в землю врос.

Сказал мудрец хакану: «Весь ты сед,
И много, верно, претерпел ты бед,

Пока моей обители достиг.
Но не горюй, почтеннейший старик:

Сокровища, которым нет цены,
Тебе уже всевышним вручены.

Но от меня узнай другую весть:
Еще одна тебе награда есть.

Великим счастьем отмечен ты:
Знай — будешь очень долговечен ты.

Открылось мне в движении планет,
Что жизнь твоя продлится до ста лет.

А если посетит тебя недуг
И раньше срока одряхлеешь вдруг, —

Я камешек тебе сейчас вручу:
К нему ты обратишься, как к врачу.

Ты этот камешек положишь в рот, —
Недуг твой от тебя он отвернет,

И старческую немощь без следа
Он устранил на долгие года...»

А Мульк-Аре сказал он в свой черед:
«И ты немало претерпел тягот, —

Награду дать мне надо и тебе:
Ту самую награду — и тебе.

Одна опасность вам грозит троим, —
И мы пред ней в бессилии стоим.

Она — в соединенье двух начал, —
Блажен, кто только порознь их встречал:

Начала эти — воздух и вода.

Всевышний да поможет вам тогда...

Я все открыл вам...» Шаху с Мульк-Арой
Кивнул Сократ учтиво головой

И сам их до порога проводил.
Фархада обласкал он, ободрил

И так сказал царевичу: «О ты,
Рожденный для скорбей и доброты!

Свой дух и плоть к страданиям приготовь:
Великую познаешь ты любовь.

Тысячелетье уж прошло с тех пор,
Как сам себя обрек я на затвор.

Я горячо судьбу благодарю,
Что, наконец, с тобою говорю.

Ведь ждал все дни и ночи я тебя:
Вот вижу я воочию тебя!

Мой час пришел — я в вечность ухожу.
Послушай, сын мой, что тебе скажу:
Знай, этот мир для праведных людей —
Узилище и торжество скорбей.

Да, жизнь — ничто, она — лишь прах и тлен:
Богатства, власть — все это духа плен.

Не в этом смысл земного бытия:
Отречься должен человек от «я».

Найти заветный жемчуг не дано
Без погруженья на морское дно.

Тот, кто от «я» отрекся, только тот
К спасению дорогу обретет.

Дороги же к спасенью нет иной,
Помимо жертвенной любви земной.

Любовь печалью иссушает плоть,
В сухую щепку превращает плоть.

А лишь коснется, пламенно-светла, —
И вспыхнет щепка и сгорит дотла.

Тебе любовь земная предстоит,
Которая тебя испепелит.

Ее не, сможешь ты преобороть;
Ты обречен предать страданиям плоть.

Отвержен будешь, одинок и сир,
Но озаришь своей любовью мир.

Слух о тебе до дальних стран дойдет,
Он до южан и северян дойдет.

Твоей любви прекрасная печаль
Затопит и девятой сферы даль. [\[32\]](#)

Твоя любовь, страданием велика,
Преданьями пройдет и сквозь века.

Где б ни были влюбленные, — для них
Священным станет прах путей твоих.

Забудет мир о всех богатырях,
О кесарях, хаканах и царях,

Но о Фархаде будут вновь и вновь
Народы петь, превознося любовь!...»

Сократ умолк, глаза на миг закрыл
И, торопясь, опять заговорил:

«Пока глаза не смеркли, я скажу:
О том волшебном зеркале скажу,

Которое ты вынул из ларца
В сокровищнице своего отца.

Когда железный латник-великан,
Хранивший Искандаров талисман,

Сквозь зеркало, что ты стрелой пробил,
Сражен тобой молниеносно был, —

То расколдован был в тот самый миг
И первый талисман — его двойник.

Когда вернешься в свой родной Китай,
Ты свойство талисмана испытай, —

Открой ларец — и в зеркало смотри:
Что скрыл художник у него внутри,

Проступит на поверхность. Ты узришь
Ту, от кого ты вспыхнешь и сгоришь.

Начнется здесь твоей любви пожар, —
Раздуй его, благослови пожар.

Но знай: лишь раз, мгновение одно
Виденье это созерцать дано.

Откроет тайну зеркало на миг,

Твоей любви ты в нем увидишь лик,
Но ни на миг виденья не продлить.
Твоей судьбы запутается нить:
Ты станешь думать лишь о ней теперь,
Страдать ты будешь все сильнее теперь,
И даже я, хранитель всех наук,
Не угасил бы пламя этих мук.
Так, на тебя свои войска погнав,
Схватив и в цепи страсти заковав,
Любовь тебя пленит навек. Но знай:
Как ни страдай в плену, как ни стенай,
Но кто такой любовью жил хоть миг, —
Могущественней тысячи владык!
Прощай... Мне время в вечность отойти,
А ты, что в мире ищешь, обрети.
Порой, страдая на огне любви,
Мое ты имя в сердце назови...»
На этом речь свою Сократ пресек:
Смежив глаза, почил великий грек,
Ушел, как и Сухейль, в тот долгий путь,
Откуда никого нельзя вернуть...
Теперь Фархад рыдал, вдвойне скорбя:
Оплакивал Сократа и себя.
И шаха он и Мульк-Ару позвал
И вместе с ними слезы проливал.
Затем со свитой вместе, как могли,
Положенною долею земли
Навечно наделили мудреца, —
Устроили обитель мертвеца.

* * *

Когда Фархад хакану сообщил,
Что грек ему великий возвестил,
То старый шах едва не умер: столь
Великую переживал он боль.
Была судьба нещадна к старику!..
Печально возвращались к роднику.
Когда же солнце мудро, как Сократ,

Благословило собственный закат,

То ночь — Лукман, глубоко омрачась, [\[33\]](#)

Над ним рыдала, в траур облачась.

Хакан устроил поминальный пир,
Хоть и обильный, но печальный пир.

В ту ночь пришлось вино погорше пить, —
В чем, как не в горьком, горе утопить?

* * *

Послушай, кравчий, друг мой! Будь умней,
Вина мне дай погуще, потемней.

Ты чару горем закипеть заставь,
Меня хоть миг ты не скорбеть заставь!

ГЛАВА XXVI

ВИДЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ИСКАНДАРА

Возвращение из Греции.

Зеркало Искандара оживает.

Неизвестная страна. Горные работы в скалах.

Двойник Фархада. Красавица на коне.

Обморок. Зеркало неумолимо.

Снова мечты о побеге

Лишь утренней зари забил родник,
Преобразив небесный луг в цветник, —

Свои войска из греческой земли
В Китай хакан с Фархадом повели.

Дел не имея на пути своем,
Шли без задержек, ночью шли и днем.

И вот царевич и его отец
В родной Китай вернулись наконец...

Хакан воссел на трон, — скажи, что так
Луна в зодиакальный входит знак.

Фархад унять волнения не мог,
Едва переступив родной порог,

Он, удержать не в силах чувств своих,
Потребовал ключи от кладовых:

Свою мечту увидит он теперь!

Сокровищницы распахнул он дверь, —

И вот ларец в его руках... о нет,
Скажи: вместилище ста тысяч бед!

«О казначей, поторопись, не мучь:
От ларчика подай скорее ключ!»

Но ключик, видно, в сговоре с замком,
Твердит свое железным язычком,

И в скважину войти не хочет он, —
Царевичу беду пророчит он,

И за намеком делает намек
Упрямому царевичу замок.

Волос упавших дергает он прядь:
«Оставь меня, не надо отпирать!»

Но человек не властен над собой,
Когда он соблазнен своей судьбой.

Царевич все же отомкнул замок
И зеркало из ларчика извлек.

Глядит Фархад, и, изумленный, вдруг
Роскошный видит он зеленый луг.

Обильно луг цветами весь порос —
Не счесть фиалок, гиацинтов, роз.

Там каждая травинка — узкий нож,
Заржавленный от кровопуска нож;

Там каждая фиалка — страшный крюк,
Чтоб разум твой хватать за горло вдруг;

Нарцисс вином столь пьяным угощал,
Что сразу ум в безумье превращал;

В крови у каждой розы лепестки;
Петляются гиацинтов завитки,

И что ни завиток — аркан тугой,
Которым ловят разум и покой;

Татарский мускус темень источал, —
Он будущность народа омрачал;

В предчувствии, как будет гнет велик,
У лилий отнимался там язык;

И розы страсти распускались там, —
Чернели, сохли, запекались там;

Всходили там цветы — богатыри, —
Горели гневом мести бунтари.

Царили там смятение и печаль...
Фархад теперь окинул взором даль.

Он увидел гряды гранитных скал —
Их дикий строй долину замыкал.

И там, на склонах каменной гряды,
Людей каких-то видит он ряды.

Они стоят, как будто вышли в бой,
Толкуя оживленно меж собой.

Но у людей — ни луков и ни пик, —
Кирки в руках: долбят в камнях арык.

Один из них, хоть молод он на вид,
Всех возглавляя, сам долбит гранит,

То действует киркою, то теслом,
Каменотесным занят ремеслом.

Как он печален! На него, скорбя,
Глядит Фархад — и узнает себя!

А в это время из-за острых скал
Сюда отряд наездниц прискакал:

Красавицы, пленяющие взгляд,
На каждой — драгоценнейший наряд.

Одна была — как шах, среди всей толпы:
Как роза — лоб, ресницы — как шипы;

Век полукружья бледны, высоки,
Уста ее румяны и узки.

А конь ее — не конь, а дар небес!
Нет, хром, в сравнение с ним, тулпар небес!

Как управляла резвым скакуном,
Как восседала, гордая, на нем!

На скакуне она, как вихрь, неслась,
Стремительнее всех других неслась.

Был облик пери лучезарно-юн,
Она казалась солнцем между лун.

Куда б ни обращала взор с седла,
Сжигала вмиг сердца людей дотла...

Глядит Фархад и видит, что она

В ту сторону пустила скакуна,
Где был он сам, печальный и худой,
Изображен в работе над плитой.
Когда же, перед ним остановясь,
Она его окликнула, смеясь,
И всадницы лучистоокой взгляд
Почувствовал каменотес Фархад, —
Его черты покрыла смерти тень,
И он упал, как раненый олень...
Увидя, как упал его двойник,
Едва пред ним блеснул той пери лик,
Получше разглядеть решил Фархад
Красавицу, чей смертоносен взгляд.
Поднес он ближе зеркало к глазам,
Взглянул — и простонал, и обмер сам,
И на пол так же, как его двойник,
Бесчувственно упал он в тот же миг.
Бегут к хакану слуги: «Ой, беда!»
Вошли, дрожат в испуге: «Ой, беда!»
Услышал шах — и ворот разодрал:
Увы! Увы! Он сына потерял!
Мать прибежала — и за прядью прядь
Свои седины стала вырывать.
Узнал и зарыдал мудрец-вазир:
Любил Фархада, как отец, вазир.
И друг Фархада и молочный брат,
Сын Мульк-Ары, Бахрам, кого Фархад
Считал ближайшим сверстником своим
Душевнейшим наперсником своим, —
Не ворот — грудь свою порвал, скорбя, —
Чуть не лишил он жизни сам себя.
Родные, свита, слуги и врачи —
Как мотыльки у огонька свечи,
Вокруг Фархада плачут, хлопоча,
Увы, увы, — угасла их свеча!..
Он, как покойник, сутки пролежал,
Нет, был он жив, хотя едва дышал.

И лишь когда свой животворный ток
Принес под утро свежий ветерок,
Фархад вздохнул и бровью чуть повел,
Румянцем жизни трепетным расцвел,
Глаза открыл — и видит, как сквозь сон,
Что близкими он всеми окружен,
И все в слезах, и он не мог понять,
Что в скорбь оделись и отец и мать...
Когда же все припомнил он, тогда
Страдать он стал от горького стыда,
И был готов свою мечту проклясть,
И в обморок непробудимый впасть.
Он поднялся, и тут же в прах лицом
Пред матерью упал и пред отцом,
И ноги их смиренно целовал,
И плача о прощенье умолял.
И счастливы, что милый сын их жив,
Его утешив и благословив,
Родители и все, кто были там,
Ушли спокойно по своим делам...

* * *

Хоть искренне отречься был бы рад
От своего желания Фархад,
Хоть был он отягчен виной большой —
Однако же всем сердцем, всей душой
Он к зеркалу тому прикован был,
И стыд и смерть принять готов он был.
Он искушенья не преоборол,
И снова доступ к зеркалу обрел —
И снова жадно заглянул в него.
Но было зеркало чудес мертво!
Сократ был прав: из зеркала чудес
Волшебный образ навсегда исчез.
И тут царевич понял: он навек
В страданья ввергнут, обречен навек,
И не спастись от роковой тоски,
Хоть разорвал бы сам себя в куски.

Он размышлял: «Раз жребий мой таков,
И страсти не расторгнуть мне оков,

И смерть моя хоть и близка, но все ж
Вонзит не сразу избавленья нож,

То до того, пока от жгучих дум
Еще не вовсе потерял я ум

И не совсем лишился воли я, —
Обдумать должен все тем боле я.

Благоразумным быть мой долг теперь,
Лишь этот путь сулит мне толк теперь,

Лишь так отца утешить я смогу.
Что из того, что сразу убегу?

Куда уйду один? Где скрыться мне?
Шах разошлет гонцов по всей стране,

Войска он двинет по моим следам,
Схватить меня он даст приказ войскам...

И, несомненно, через два-три дня
В любом убежище найдут меня.

А если вынуть меч и в бой вступить, —
За что же подневольный люд губить?

Ужель народу за любовь его
Моей наградой будет кровь его?

Себя на жертву лучше мне обречь,
Чем на родной народ обрушить меч!

Пусть шах-отец меня потом простит.
Ведь все равно меня замучит стыд.

В лицо народу как я погляжу,
Что богу я в конце концов скажу?

А если б и пойти на тяжкий грех
И обнажить свой меч — один на всех, —

То сколько бы невинных ни убить,
Мне все же победителем не быть!

Я буду схвачен. Если даже шах
И не казнит, — возьмет под стражу шах.

А может быть и так: признает суд,
Что я безумен, — в цепи закуют.

И сколько б я ни клялся, что здоров, —

Как докажу! Закон страны суров.

Себя пока я должен оберечь,
Свои поступки обуздать и речь!..»

Увы, не знал он, что любовь сама
На ветер пустит доводы ума...

* * *

Быть пьяным, кравчий, мой обычай стал,
С тех пор как от ума я притчей стал!

Вина любви губительной налей,
Но от ума избавь меня скорей!

ГЛАВА XXVII

ВРАЧИ ПОСЫЛАЮТ ФАРХАДА НА ОСТРОВА

*Болезнь Фархада. Совецание врачей.
Необходим влажный морской климат.
Тайная надежда Фархада*

ГЛАВА XXVIII

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

*Морская гавань.
Хаканская флотилия выходит в плавание.
Море и морские чудища. Зловещий ветер.
Хакан не успевает пересечь в челн.
Волна уносит Фархада в бушующее море.
Описание морской бури. Гибель флотилии*

Жемчужину редчайшую для нас
Извлек нырнувший в море водолаз...

* * *

Для путешествия морского все
Уже закончено, готово все...

Пошли большие корабли вперед —
За каждым забурлил водоворот.

Пошли за ними стаями челны.
Волнами их вздымаемы, челны

Качались так, как если б в этот час

Удар подземный весь Китай потряс.

Морское дело знают моряки:
Им весла — то, что рыбам плавники.

Усердно корабельщики гребли,
Неслись, волну взрезая, корабли,
Неслись челны — и каждый, словно конь, —
Разбрызгивая водяной огонь...

Два дня, две ночи плыли корабли.
Все ближе к цели были корабли.

Сильней вздувает ветер паруса,
Волна морская, словно бирюза:

Сливаются с водой края небес.
Открылся для Фархада мир чудес:

И вёсел плеск, и мачт высоких скрип,
И вид шныряющих диковин-рыб.

Посмотришь — сердце в ужасе замрет:
Страшилища неведомых пород!

Плывут, как будто горы-острова,
А присмотришь — живые существа.

То — рыбы, а не горные хребты,
Как волны, их узорные хребты.

А скорость их! Небесный метеор
В своем паденье не настолько скор.

Те безобразьем отвращают, те
Ни с чем нельзя сравнить по красоте, —

Так изумительна окраска их,
Все очертанья, вся оснастка их.

Вокруг кишели тучи мелких рыб.
Всю эту мелочь мы сравнить могли б

С густой травой, что буйно, без числа
Вкруг мощных кипарисов проросла.

Немало в море и Фархад и шах
Встречали исполинских черепах.

Их костяные страшные тела
Вздымались над водой, как купола,

Что так вселенский зодчий воздвигал
И сам в пучину моря низвергал.

И неуклюже плавающих вкось
Им видеть в море крабов довелось.

Столкнется с черепахой краб порой —
Столкнулась, ты б сказал, гора с горой.

За рыбами, как тигры вод морских,
Акулы шли и пожирали их.

Их тело — как гранитная гора,
А кожа их — шершавая кора,

И вся в шипах. А пасть откроют — в ней
Не счесть зубов... нет, не зубов — гвоздей!

А на спине — плавник стоит торчком, —
Зови его пилой, — не плавником.

Нет! Копья полчищ моря — тот плавник,
Зубцы твердыни горя — тот плавник!

Вокруг морских собак бурлит всегда,
Как муравейник вокруг змеи, вода.

На суше много хищников живет,
Но их не меньше и в пучине вод.

Кто нужным счел и воды населять,
Оплел сетями и морскую гладь...

* * *

Так, наблюдая чудеса везде,
Два дня уж плыли шах и шах-заде.

Однако их на бедствия обрек
В делах своих непостижимый рок.

Недобрым резким ветром дунул юг, —
Морская буря разразилась вдруг.

И ужаснулись даже моряки,
И, разрывая ворот, старики

В отчаянье докладывали так:
«Приметы знает опытный моряк:

Бушует эта буря раз в сто лет, —
Добра не ждать, а ждать великих бед!»

Решили так: пока возможность есть,
Шах должен с сыном в лодку пересечь,

А эта лодка — месяца быстрее
Могла стремиться по зыбям морей.

Быть может, челн успеет их умчать,
Пока не начал ураган крепчать.

Ладью спустили. На беду свою,
Фархад-царевич первым сел в ладью.

Но вихрь, вонзив мгновенно когти волн,
Прочь оттащил от корабля тот челн.

Старик хакан, оставшийся один,
Рвал в исступленье серебро седин,

Рыдал, вопил... А где-то вдалеке
Сын мерил море в зыбком челноке.

Кто мог разлуку эту им предречь?
Увы, она не предвещала встреч!..

А ураган, как разъяренный зверь,
Пришел уже в неистовство теперь:

Обрушил с неба мировой потоп:
До дна пучину моря всю разгреб;

Не только воды, — небо всколебал,
То небо вниз швырял, то в небо — вал,

И не до нижних сфер, а до высот
Девятой сферы вал иной взнесет;

И пеною все плещет в небеса,
Пощечинами хлещет небеса,

А от таких пощечин небосвод
Темнел, стал мрачным очень небосвод.

Настала ночь... Но ураган не тих,
Катил он сотни тысяч волн больших —

И по волнам швырял туда-сюда,
Как щепки, величайшие суда;

То погружал их мачты в бездны он,
То тыкал ими в свод небесный он,

Как тычет пикой в грудь врага батыр.
И тысячи проткнул он в небе дыр:

Светила, замерцавшие сквозь тьму,
Служили доказательством тому.

Созвездья Рыб и Рака, трепеща,
В пучину вод низверглись сообща.

А остальные — в страхе пред водой,

Едва завидя месяц молодой,
К его ладье все устремились, в ней
Спаستись пытаясь от морских зыбей.
И ангелы, путей небес лишась,
Нырjali в море, в уток превратясь.

* * *

Прошла в жестокой непогоде ночь.
Когда была уж на исходе ночь —
И лоно неба стало поутру
Подобно бирюзовому шатру, —
Свирепый ураган ослаб, уснул,
И моря успокоился разгул.
Но корабли! Из сотни их едва
Держались на воде один иль два!
Хоть были очень крепки корабли, —
Разбила буря в щепки корабли,
И море на себе теперь несло
Осколок мачты, утлое весло,
Несло обломки жалкие досок,
И люди, за такой держась кусок,
Зависели от милости волны,
Как без руля и паруса челны.
Счастливец тот, кто сразу же погиб,
Кто заживо не стал добычей рыб!..

* * *

Но уцелел в ту ночь не потому,
Что рок был благосклоннее к нему,
Корабль, на коем шах и Мульк-Ара
Спасительного дождались утра, —
Нет, причинив ему немало зла,
Судьба его осилить не смогла!
Но люди, плывшие на нем, — увы,
Безумны были иль полумертвы!
Носило море их из края в край,
В конце концов их отнесло в Китай,
Где выбросил их на берег прибой.
Там жители сбежались к ним толпой,

И лишь узнали, что произошло,
Какое корабли постигло зло,
Что унесло Фархада в океан,
И что на этом судне — сам хакан, —
И местный хан, и тамошний народ
Так много проявили к ним забот,
Что все пришли в себя. Но шах-старик,
Не видя сына, снова поднял крик:
Настигнут был несчастьем снова он,
Рыдал, звал сына дорогого он,
Хоть мысленно и допускал чуть-чуть,
Что и Фархад мог выплыть где-нибудь.
Он также вспомнил, что предрек Сократ,
Но своему спасенью не был рад.
Все ж пред судьбой решил смириться он —
Отправился в свою столицу он...

* * *

Дай, кравчий, выпить прямо из ковша:
Барахтается в море бед душа!
Из моря скорби как спастись душе?
В ладье ковша дай унестишь душе!

ГЛАВА XXIX

СПАСЕНИЕ ФАРХАДА И ВСТРЕЧА С ШАПУРОМ

*Фархад на купеческом корабле.
Пираты-островитяне. Зажигательные снаряды.
Фархад использует свое искусство меткой стрельбы.
Пираты рассеяны. На горизонте — земля!
Пиршество в Йемене. Признание Фархада. Рисунок Шапура.
Какую страну и кого показало зеркало Искандара*

Миниатюра из рукописи XV в.
«Фархад и Ширин»

ГЛАВА XXX

ФАРХАД С ШАПУРОМ ПРИБЫВАЮТ В СТРАНУ АРМЕН

Знакомые картины. Бесплодный труд двухсот каменоломов.

Фархад берется один провести арык в гранитных скалах.

Заготовка горных инструментов. Начало работ.

Изумление людей. Вести приходят к царице Михин-Бану

Кто вел их к цели, тот, по мере сил,
Предмет их цели так изобразил.

Проснувшийся задолго до утра,
Фархад мгновенно вспомнил, что вчера

Сказал Шапур, что он нарисовал
И как страну его мечты назвал.

Еще была густа ночная тьма,
И небо черным было, как сурьма, —

Он, с ложа встав, к Шапуру побежал, —
Ему бы ноги он облобызал.

Шапуру показалось, что к нему
Внезапно хлынул дивный свет сквозь тьму,

Когда Фархад его окликнул вдруг.
И он сказал: «О дорогой мой друг!

О царь страдальцев, жертв своей любви,
Твой след священен для людей любви!

Неужто разговор о той стране
Привел тебя в такую рань ко мне?»

Фархад воскликнул: «Знай, что весть твоя —
Весть возрожденья мне, весть бытия!

Цель жизни, оправдание мое —
Моя любовь, страдание мое.

Ты слово дал мне — слово соблюди, —
Меня в тот край желанный приведи».

Шапур сказал: «С тобою путь в тот край,
Как он ни труден будь, мне будет рай.

Ну, с богом, светоч времени, — пойдем!»
В путь снаряжаясь, они пошли вдвоем.

Они — за переходом переход —
Без длительных привалов шли вперед.

Шапур был бодр, легко с Фархадом шел,
Фархад, как тень, с Шапуrom рядом шел.

О свойстве дружбы речь велась у них,
О спутниках хороших и дурных.

Рассказами свой услаждая путь,
Беседами свой коротая путь,

Даль мерили они за шагом шаг,
И дружба их росла и крепла так.

Рисунком друга по пути не раз
Фархад и сердце услаждал и глаз,
Превозносил Шапура мастерство,
С китайским даже сравнивал его,
И столько он вопросов задавал:
Что создавал Шапур, как создавал,
Что стал Шапур подозревать: «Фархад,
Пожалуй, сам художник, мой собрат...»
Когда, пройдя чрез много разных стран,
Вступили путники в страну армян,
Шапур сказал: «Теперь, мой друг, следи, —
Свой вещий сон тут наяву найди».
И вот, спустя еще дня два иль три,
Фархад, ликуя, закричал: «Смотри!
Вот тот же луг во всей его красе,
И лилии на нем, и розы все!
И тот же самый кружит соловей
Над розою возлюбленной своей.
Здесь прах похож на чистую парчу,
Здесь воздух тушит разума свечу!»
Куда бы здесь ни обращал свой взгляд
К несчастью устремившийся Фархад,
Он дружбу роз и терний наблюдал,
Свою судьбу теперь в ней наблюдал —
И сердце боль пронзала, что ни миг:
Фархад долины бедствия достиг
И на вершине горя водрузил
Страданий знамя, что всю жизнь носил.
И так теперь сказал Шапуру он:
«Ты нашей дружбы свято блюл закон.
Вот тех же скал высокая гряда,
Что мне предстала в зеркале тогда.
Вот, друг Шапур, тот самый уголок,
Что так меня сквозь все преграды влек!
Быть может, я навязчив чересчур,
Но я тебе откроюсь, друг Шапур:
Взгляни на скалы, — видишь, люди там?

Работой надрывают груди там.

У каждого из них в руках — тиша.

За них, Шапур, болит моя душа!

Там пробивают, видимо, арык, —

Пойдем — узнаем, что за шум и крик...»

Друзья туда направили стопы

И стали на виду у той толпы.

Картина, им представшая, была

Поистине печальна, тяжела:

Кляня свою судьбу, самих себя,

Крепчайший камень этих гор долбя,

С надсмотрщиком суровым во главе,

Трудились человек там сотни две,

Изнурены, измучены трудом —

Бессмысленно порученным трудом:

Такой гранит был твердый, — ни куска

Не скалывала ни одна кирка!

Да что — куска! — крупинки небольшой

Не отбивалось ни одной тишой!

А те несчастные долбят, долбят...

Поистине не труд, а сущий ад!

Фархад глядел, и сердце сжалось в нем!

Вскипели сразу гнев и жалость в нем!

С глубокой складкой горя меж бровей

Глядел он, не стерпел и крикнул: «Эй,

Несчастные! Судьбой, как видно, вы,

Подобно мне, угнетены, увы!

Однако кто, за что обрек вас тут

На этот тяжкий, безуспешный труд?

Зачем так мучитесь вы, люди, здесь?

Какое же правосудье здесь!

Гляжу на вас, и богом вам клянусь,

Вот-вот я дымом вздохов захлебнусь!

Откройте вашу цель, и, может быть,

Я чем-нибудь смогу вам пособить!..»

Душевнейшим обычаем его,

Всем царственным обличем его

Те люди были так изумлены,
Так состраданием были пленены,
Что, ниц повергшись, о своих делах
В таких ему поведали словах:
«Кто ты, кто сердцем чистым взговорил?
Не сам ли ты архангел Джабраил?
Мы ангелов не видели, а все ж —
Ты на людей обычных не похож.
Но если ты и человек, то пусть
Тебя минуют беды, горе, грусть!
Ты спрашивал, теперь ответ внимли:
Отчизна наша — это рай земли.
Есть сорок крепостей у нас в стране, —
Их башни с зодиаком наравне.
Венчает добродетелью страну
Царица, наш оплот — Михин-Бану.
От Аффридуна род ведет она,
И в мире, как Джемшид, она знатна.
На лик ее венец не бросил тень, ^[34]
Но дань с венцом берет он, что ни день.
Сокровищ у Михин-Бану в казне, —
Никто не видел столько и во сне.
Опора нам владычество ее,
Отрада нам величество ее.
Живет она, от мира отрешась,
Ничьих враждебных козней не страшась.
Есть у нее племянница Ширин,
Как свет зари, румянец у Ширин.
Вся — заповедник чистоты она,
Стройна, как тополь, как луна ясна.
Не то, что в светлый лик ее взглянуть, —
Не смеем это имя помянуть.
Кто красоты ее видал венец,
Тот, говорят, на свете не жилец...
Михин-Бану полна забот о ней,
Навек ей дав приют в душе своей.
Отраду в жизни находя одну,

Лишь для нее живет Михин-Бану.

А о труде своем что скажем мы?
Арык ведем в гранитном кряже мы.

Кряж с запада к востоку наклонен,
Источник оросил восточный склон.

Вода его свежа и так сладка, —
Мертвец воскреснет даже от глотка!

Туда, всю свиту вокруг себя собрав,
Царевна приезжает для забав.

Порою эта гурия пиры
Устраивает в том конце горы.

На западе ее дворец стоит,
Необычайной красоты на вид.

Дворцу под стать — окрестность хороша;
Как дивный рай, вся местность хороша.

Макушкою в заоблачный атлас
Там горная вершина вознеслась.

Ах, видно, нет и рая без беды:
Ни капли на вершине нет воды!

Однако, по суждению знатоков,
Исход из положения таков:

Пробить арык — и из ручья тогда
На запад, мол, поднимется вода.

Но от дворца живительный ручей
Течет, увы, за десять ягачей!

Вот их наметка. Мы по ней арык
Должны пробить — и вверх пустить родник.

Но здесь, как видишь сам, все сплошь — гранит;
Тишой долбишь, киркою бьешь гранит, —

Они его, однако, не берут...
Замучил, погубил нас этот труд!

Мы поломали все тиши, кирки:
Тут юноши на вид — как старики,

Все потеряли даже вид людей,
В три года сотни три пробив локтей.

Не только мало жизни нам одной,
Но если б жить нам столько, сколько Ной,

И то нам этот не пробить арык, —
Столь непосилен труд и столь велик!

Начальников мы убедить хотим, —
Что наши доводы и просьбы им!..»

Их повести печальной внял Фархад,
За них страдая, застонал Фархад:

«О ты, несправедливая судьба!
О, с камнем непосильная борьба!

А я такие знанья берегу
И неужели им не помогу?

Хоть я не для того пришел сюда,
Но слишком велика у них беда...»

* * *

Оставить их не мог беспечно он:
Горн попросил и мех кузнечный он,

И кожаный передник он надел
И приступил к работе, как умел.

Мех осмотрев и не найдя прорех,
Соединил затем он с горном мех,

Засыпал уголь, плюнул на ладонь —
И начал в горне раздувать огонь.

Затем — будь негодны иль хороши —
Велел собрать он все кирки, тиши,

И все затем забросил в горн и стал
Переплавлять весь собранный металл.

А переплавив, начал ковку он,
Ковал с особенной сноровкой он,

Ковал кирки под стать своим рукам:
Одна — равнялась десяти киркам!

Такие же тиши: коль взвесить их,
Тишей обычных было б десять в них!

Напильников наделал покрупней,
Точильных наготовил он камней,

И тайно всем орудиям он стал
Каренов тайный придавать закал.

И, так все приготовив для работ,
Отер Фархад с лица обильный пот,

Присел — и стал о деле размышлять,
Как дело повести, чтоб не сплошать.

Почтительно застыв, толпа людей
Ждала, что будет делать чародей:

У них орудья отобрав из рук,
Что, если сам не справится он вдруг?

Как будто их сомнения прочел,
Фархад к черте арычной подошел,

Киркой взмахнул — и вот уже громит
Он богатырскою рукой гранит.

Ударом посильнее валит он
Такую глыбу, — не осилит слон!

А послабее нанесет удар,
И то обломка хватит на харвар,

От мелких же осколков люди вскачь
Оттуда разбегались на ягач.

Что ни удар — то отгулов кругом —
На десять ягачей грохочет гром.

Так богатырскою своей киркой
Свершить успел он за день труд такой,

Который непосилен был двумстам
Работавшим три года мастерам.

Теперь звучал не горя, — счастья крик:
«Да он один пророев весь арык!»

Спешат начальники к Михин-Бану, —
Обрадовать хотят свою луну.

* * *

Эй, кравчий, дай из самых жгучих вин!
Я проглочу расплавленный рубин.

Скалу печали чем разворочу?
Вином ее расплавить я хочу!

ГЛАВА XXXI

ВСТРЕЧА ФАРХАДА С ШИРИН

*Выезд двора на места работ.
Описание красоты Ширин.*

Награждение чудесного мастера.

Фархад узнает в Ширин красавицу, виденную в зеркале Искандара.

Потеря сознания.

Фархада переносят во дворец Михин-Бану

Тот ювелир, что жемчуг слов низал,
Так ожерелье повести связал.

* * *

А я, начав главу, упомяну
О том, что люди бросились к Бану.

Фархад их изумил своим трудом, —
Они ей так поведали о том:

«Пришел к нам некий юноша, — таких
Не видели созданий мы людских:

На вид он изможден, и слаб, и тощ,
А мощь его — нечеловечья мощь.

А сердцем прост и так незлобен он,
И ликом ангелоподобен он.

Не справиться так с глиною сырой,
Как он с крепчайшей каменной горой.

За нас один ломать он стал гранит, —
Арык на полдлины уже пробит!..»

Известием удивлена таким,
Могла ль Михин-Бану поверить им?

И лишь когда опять к ней и опять
Все те же вести стали поступать,

Не верить больше не было причин.
Тогда Бану отправилась к Ширин

И рассказала все, что стало ей
Известно от надежнейших людей:

О том, каков на вид пришелец тот,
Обычаем каков умелец тот

И как один он за день сделал то,
Чего в три года не успел никто.

Воскликнула Ширин: «Кто ж он такой,
Наш гость, творящий чудеса киркой?

Он добровольно нам в беде помог, —
Действительно, его послал к нам бог!

Он птица счастья, что сама влететь
Решилась в нашу горестную сеть.

Сокровища растрчивала я,
Напрасный труд оплачивала я,

И говорила уж себе самой:
«От той затеи руки ты умой, —

Арык не будет сделан никогда,
И во дворец мой не пойдет вода!..»

А этот чужеземец молодой,
Я верю, осчастливит нас водой.

Чем эту птицу счастья привязать?
Ей нужно уважение оказать!»

Она приказ дала седлать коней, —
Михин-Бану сопутствовала ей.

За ними свита из четырехсот
Жасминогрудых девушек идет.

У сладкоустой пери — строгий конь,
Весь розовый и ветроногий конь.

Резвейшим в мире был ее скакун,
А прозван был в народе он Гульгун. [\[35\]](#)

И, управляя розовым конем,
Ширин — как розы лепесток на нем.

Она пустила сразу вскачь коня —
Остались сзади свита и родня,

И конь, послушный пери, так скакал,
Что пот росой на розе засверкал.

Для уловленья в сеть ее красы, —
Как два аркана черных, две косы —

Две черных ночи, и меж той и той, —
Пробор белел камфарною чертой.

Злоумышляла с бровью будто бровь,
Как сообща пролить им чью-то кровь,

И на коране ясного лица
Быть верными клялись ей до конца.

Полны то сладкой дремою глаза,
То страсть пьянит истомою глаза.

А губы — нет живительнее губ,

И нет сердцегубительнее губ!

Как от вина — влажны, и даже вид
Их винной влаги каждого пьянит.

Хоть сахарные, но понять изволь,
Что те же губы рассыпают соль, [\[36\]](#)

А эта соль такая, что она
Сладка, как сахар, хоть и солона.

Другой такой ты не найдешь нигде —
Подобна эта соль живой воде!

А родинка у губ — как дерзкий вор,
Средь бела дня забравшийся во двор,
Чтоб соль и сахар красть. Но в них как раз
По шею тот воришка и увяз.

Нет, скажем: эти губы — леденец,
А родинка у рта — индус-купец:

И в леденец, чтоб сделать лучше вкус,
Индийский сахар подмешал индус.

И о ресницах нам сказать пора:
Что ни ресничка — острое пера,

Подписывающего приговор
Всем, кто хоть раз на пери бросит взор.

Нет роз, подобных розам нежных щек;
На подбородке — золотой пушок

Так тонок был, так нежен был, что с ним
Лишь полумесяц узенький сравним,

При солнце возникающий: бог весть,
Воображаем он иль вправду есть.

Жемчужины в ушах под стать вполне
Юпитеру с Венерой при Луне.

Для тысяч вер угрозою угроз
Была любая прядь ее волос.

А стан ее — розовотелый бук,
Нет, кипарис, но гибкий, как бамбук.

Заговорит — не речь, — чудесный мед,
Харварами мог течь словесный мед.

Но, как смертельный яд, он убивал
Вкусившего хоть каплю наповал...

Такою красотою наделена
Была Ширин. Такой была она

В тот день, когда предстала среди скал
Тому, кто, как мечту, ее искал.

И вот он, чародей-каменолом,
В одежде жалкой, с царственным челом.

Величьем венценосца наделен,
Он был силен, как разъяренный слон,

А благородно-царственным лицом
Был времени сияющим венцом.

В пяту вонзился униженья шип,
А камень бедствий голову ушиб.

Боль искривила арки двух бровей,
Хребет согнулся под горой скорбей,

Легли оковы на уста его,
Но говорила немота его.

На нем любви страдальческой печать,
На нем тоски скитальческой печать.

Однако же — столь немощен и худ —
Он совершает исполинский труд:

С горой в единоборство он вступил —
Гранит его упорству уступил...

Фархад, узрев Ширин, окаменел,
То сердцем леденел, то пламенел.

Но и сама Ширин, чей в этот миг
Под пеленою тайны вспыхнул лик,

К нему мгновенной страстью занялась,
Слезам восхищенья облилась.

На всем скаку остановив коня,
Едва в седле тончайший стан склоня,

Тот жемчуг, что таят глубины чувств,
Рассыпала, открыв рубины уст:

«О доблестнейший витязь, в добрый час
Пришедший к нам, чтоб осчастливить нас!

С обычными людьми не схож, ты нам
Загадка по обличью и делам.

По виду — скорбен, изможден и хил,

Ты не людскую силу проявил, —
Не только силу, но искусство! Нет,
Не знал еще такого чуда свет!
Но, от большой беды избавив нас,
Ты в затрудненье вновь поставил нас:
Ведь сотой части твоего труда
Мы оплатить не сможем никогда.
За скромные дары не обессудь, —
Не в них признательности нашей суть...»

* * *

Фархад от изумленья в землю врос.
А ей закрытый подали поднос
С дарами драгоценными; никто
Не мог бы оценить богатство то.
Поднос рукой точеною открыв,
Ширин, все извиненья повторив,
Дарами стала осыпать того,
Чье чудом ей казалось мастерство.
Фархад стоял, как бы ума лишен,
Так был он поражен, обворожен
Негаданно счастливой встречей той,
Изысканной, учтивой речью той.
Так сердце в нем стучало, что чуть-чуть
Его удары не разбили грудь,
И сам он с головы до ног дрожал,
Все успокоиться не мог — дрожал.
Но вот уста открыл каменотес
И, задыхаясь, еле произнес:
«Я умер от дыханья твоего,
Погиб от обаянья твоего!
Но я не знаю, кто ты! Уж не та ль,
Чей образ вверх меня навек в печаль
И отнял трон, и родину, и дом
И кем я был в скитальчестве ведом
И на чужбину брошен, пред тобой
Повержен в прах, ничтожный камнебой?
Душа меня покинула, едва

Произнесла ты первые слова.

Нет, я живу, не мог я умереть —
Твое лицо я должен был узреть!»

Вздохнул он. Ветер вдоха был таков,
Что с луноликой он сорвал покров.

Да, перед ним теперь предстала та —
Его любовь, страдание, мечта!

Но кто лишь отражение увидал
Возлюбленной, и то Меджнуном стал,

Не будет ли небытием сражен,
Чуть самоё ее увидит он?

Кто, вспомнив о вине, хмелеет, — тот,
Хлебнув его, в бесчувствие впадет...

Едва Ширин свой приоткрыла лик,
Фархад ее узнал, и в тот же миг

С глубоким стоном, мертвеца бледней,
Как замертво, сватался перед ней.

Увидев, что, как труп, он распростерт,
Ширин воскликнула: «Он мертв, он мертв!»

Как тучей помраченная луна,
Померкла, огорченная, она...

Едва тот светоч верности угас,
К нему, как легкий мотылек, тотчас

Поспел Шапур — и горько зарыдал:
«О ты, несчастный! Ты всю жизнь страдал:

Печаль и муки — вот твоя судьба,
Тоска разлуки — вот твоя судьба!

Путь верности ты в мире предпочел,
Но вот какой привал на нем нашел!

Ты на него лишь раз взглянул затем,
Чтоб в тот же миг расстаться с бытием.

Чист сердцем, как ребенок, был, — увы!
В сужденьях мудр и тонок был, — увы!

Ни совесть ты не замарал, ни честь, —
Всех совершенств твоих не перечеть,

Тебе уж не стонать, страдальцу, впредь?
Не двинуть ни рукой, ни пальцем впредь!

Где мощь твоя, крушительница скал?
В ущельях, что киркой ты высекал!

Что блеск и что величие твои,
Высокие обычаи твои?

Раз не возглавишь ты людей земли,
Какой же людям прок от всей земли?

Какие страны, в траур облачась,
Тебя начнут оплакивать сейчас?

Какой народ всех более скорбит,
Какой хакан несчастьем убит?

Ах, лучше бы не знать Фархада мне, —
И горе не было наградой мне!»

Так горевал Шапур. Не он один:
Рыдала столь же горько и Ширин,

Михин-Бану не сдерживала слез,
И плакал весь цветник придворных роз.

Потом уже, подавлен и понур,
Поведал им учтивейший Шапур

Все то, что знал о друге он своем,
О встрече с ним, о странствиях вдвоем...

Но время наступило, наконец,
Обратно возвращаться во дворец.

Шел медленно печальный караван.
И на носилках пышных, словно хан,

Лежал Фархад... нет, — как великий шах,
Несомый девушками на плечах!

Затем в одной из царственных палат
Оплакан всеми снова был Фархад.

И жизни словно не принадлежал,
На царственном он ложе возлежал.

* * *

Эй, кравчий, верный друг мой, поспеши,
Вином крепчайшим чувств меня лиши!

Я притчей стал, в любви не меря чувств,
А если пить — так до потери чувств!

ГЛАВА XXXII

ШИРИН ВЛЮБЛЯЕТСЯ В ФАРХАДА

Исчезновение Фархада из дворца. Снова в горах.

Борьба Ширин со своим чувством

Расписывавший ложе по кости,
Повествованье так решил вести.

* * *

Фархад вторые сутки нем лежал,
То — будто бы дышал, то — не дышал.

При нем, не отходя ни шагу прочь,
Ширин с Шапуром были день и ночь.

Когда же непреодолимый сон
Им в третью ночь сковал глаза, — то он

Глаза открыл, очнулся и не мог
Понять никак, что это за чертог,

Как он сюда попал, и почему
Столь пышно ложе постлано ему?..

И вдруг он вспомнил, как к нему пришла
Та, что была, как солнце, вся светла,

Что с ней беседы удостоен был,
Что награжден своей мечтой он был...

Но пресеклась воспоминаний нить, —
Не мог Фархад концов соединить.

Иль образ пери так его потряс —
Ее волшебный голос, чары глаз,

Что в обморок упал он — и сюда
Из жалости доставлен был тогда?

Холодным потом обдал стыд его, —
Что, если пери навестит его?

И, робости не в силах превозмочь,
Стремглав он убежал оттуда прочь.

Он проблуждал всю ночь, а на заре
Он возвратился, наконец, к горе,

Где ради той, которую любил,
Арык в гранитных скалах он долбил.

Здесь он подумал: «Я пред ней в долгу.
Чем благодарность высказать могу

Ей, луноликой, светлой пери, ей,
Так снизошедшей к участи моей?

Арык — ее заветная мечта,
Так пусть не будет тщетною мечта!

Хоть жизни нашей скоротечен срок
(Не знаю, мне какой намечен срок),

Но ровно столько я хотел бы жить,
Чтоб это дело с честью завершить...»

И вот опять киркой он замахал,
Опять гранит в горах загромыхал:

Что ни размах руки — то грома треск,
Что ни удар кирки — то молний блеск.

А пыль — как туча, встала до небес,
Лазурь затмилась, солнца свет исчез.

Его дыханья расстился дым,
Туманом поднимался он густым.

Не пыль, не дым окутали простор
Страны армянской всей от гор до гор.

Нет, не туман! Весенней тучи мощь,
Гранитный град, гранитный шумный дождь.

Лопатой тину или снег рукой
Не снимешь так, как он гранит киркой.

И так в работе той горяч он был,
Так рвением трудовым охвачен был,

Так быстро продвигался он вперед,
Что в изумленье ввергнутый народ,

Который следом камни разгребал, —
И кушаков стянуть не успевал...

Но сам рассказчик, подтянув кушак,
Вспять повернул повествованье так:

Когда в то утро солнечный рубин
Открыл глаза Шапуру и Ширин,

Фархада ложе пусто было. Ах!
Мгновенно свет померк у них в очах.

Напрасно поднят был переполох, —
Никто Фархада отыскать не мог.

Шапур пустился в горы. Прибежав,

Увидел он: Фархад и жив и здоров!

Забыл Шапур и горе и испуг,
И ноги друга обнял верный друг...

* * *

А между тем — грустна, потрясена,
Стрелой любви внезапной пронзена

(Как от рассказчика мы узнаем),
Ширин страдала во дворце своем.

Ее уже огонь разлуки жег.
Чтоб скрыть любовь, она нашла предлог,

И говорит она Михин-Бану:
«Постигнуть надо дела глубину.

Дабы, напрасным угнетен трудом,
Родной народ не проклял нас потом,

Направлен был к нам волею небес
Тот витязь-камнелом, но он исчез.

Нам не пробить арыка без него.
Напрасен труд великий без него.

Скорей гонцов повсюду разошли,
Чтоб чужестранца-витязя нашли...»

Весьма тонка была Михин-Бану, —
Все сразу поняла Михин-Бану.

Ей стало ясно, что граниторуб
Ее племяннице отныне люб,

Что наставленьем — страсти не унять
И что пока не время ей пенять.

Благоразумием руководясь,
Михин-Бану за поиски взялась.

Когда же весть пришла, что витязь тот
Опять в горах усердно камень бьет,

Уста Ширин, поблекшие с тоски,
Вновь расцвели, как розы лепестки.

Но жаждет испытания любовь,
Томится без свидания любовь.

И стала думать и гадать Ширин,
Как повидать его хоть раз один,

Хоть издали, хоть как-нибудь тайком,

И даже так, чтоб он не знал о том:

Она боялась, чтоб еще сильнее
Не растерялся он при встрече с ней

И как бы не был тот костер открыт,
Что тайно в сердце у нее горит...

Михин-Бану была душевна с ней,
Беседовала ежедневно с ней,

Справлялась о здоровье, — не больна ль?
Какую носит на душе печаль?

И убедилась, что Ширин чиста,
Что страсти не перейдена черта,

Но что любовь проникла в сердце к ней
И с каждым днем над нею все властней.

Ширин таилась: с кем ей говорить,
Какому другу сердце ей открыть?

Ах, первая любовь всегда робка, —
Ширин блюла достоинство пока.

Проходят дни, а все грустна Ширин,
Не ест, не пьет, не знает сна Ширин.

То вдруг решает: «Я пойти должна!»
То вдруг и мысль об этом ей страшна.

Честь говорит ей: «Нет!», а сердце: «Да!»
Кто скажет ей — что благо, что беда?

О боль разлуки, как ты горяча!
Недуг растет, а нет ему врача.

* * *

Эй, кравчий, дай душистого вина!
Дай розового, чистого вина!

Неисцелима боль моя, но ей
Благоуханное вино — елей!

ГЛАВА XXXIII

ФАРХАД ЗАКАНЧИВАЕТ АРЫК И СТРОИТ ЗАМОК ДЛЯ ШИРИН

Вдохновенный труд Фархада.

Описание устройства арыка и озера-водохранилища.

Замок из цельной скалы.

Живописные работы Фархада и Шатура.

Водосбросы для горожан.

Народные толпы спешат на праздник водопуска.

Царица Бану среди народа. Где Ширин?

Кто острой мысли сложный ход решал,
Тот так пером всю книгу украшал.

* * *

Фархад всецело в дело весь ушел,
Он с каждым днем арык все дальше вел,

Тая в душе надежду, что когда
Он завершит арык, придет сюда

Ширин, розовотелый кипарис,
С кем, наконец, его пути сошлись:

Ее увидит и услышит он
И тем за труд свой будет награжден.

О, сколь она нежна и хороша!
А если скорбная его душа,

От радости такой вся излучась,
Покинет вовсе плоть его в тот час,

То — бог свидетель — больше у него
Он и просить не смеет ничего...

Одушевлен надеждою такой,
С зари и до зари своей киркой

Гранит неумоимо он долбил
Во имя той, которую любил.

Арык он так прокладывал: вперед
Две равнобежные черты ведет

На тысячу локтей: три — ширина,
Два локтя вглубь — арыка глубина.

Он тысячу прорубит, а за ней
Прорубит дальше тысячу локтей.

А двести камненосов следом шло,
Освобождая от камней русло.

Тогда Фархад при помощи тесла
Подравнивал бока и дно русла,

И так искусно их потом лощил,
Как будто воском камень он вощил.

Нет, стены превращал он в зеркала, —
Песчинка отражаться в них могла.

А если каменный кончался грунт
И вдруг песчаный обнажался грунт, —

Не облегчались там его труды:
Пески — плохое ложе для воды, —

И, чтоб арыку не грозил обвал,
Чтоб всей воды песок не выпивал,

Без устали киркой он и тишой
Работал — и не унывал душой.

Он сотни плит гранитных вырезал,
Их оббивал и тщательно тесал,

И высекал зубцы по ребрам плит —
Зубец в зубец он сплавивал гранит.

И, много сотен плит сводя в одно,
Он стены облицовывал и дно,

И так в работе этой был он строг,
Что швов нигде никто б найти не смог...

А снова станут скалы на пути,
В куски он их раскалывал в пути.

Гранитных скал стал жителем Фархад —
Стал скалосокрушителем Фархад.

Подтянет свой кушак потуже он —
Одним ударом рушит целый склон;

Махнет, как бы игрушкой, он киркой —
Смахнет скалы верхушку он киркой.

Он низвергал за глыбой глыбу в степь —
Обрушиться хребты могли бы в степь!

Осколки били по луне, но ей

Был ореол защитой от камней.

Был звездам страшен тех осколков дождь,
Что излила на них Фархада мощь, —

И, головы спасая, сонмы звезд
Бежали с неба, покидая пост.

А небосвод — хоть весь изранен был, —
Захватывал те камни и копил,

Чтоб их бросать на землю: млад и стар
Страдают от камней небесных кар,

И, видимо, запаса тех камней
У неба хватит до скончанья дней!..

Вершины руша от самих небес,
Пыль поднимая до седьмых небес,

Сто вавилонских чар затмив, Фархад
Сердца потряс, смутил умы Фархад,

Когда и день и ночь арык в горах
Он пробивал, свергая горы в прах...

Так исподволь все дело шло к концу,
Арык уже был подведен к дворцу,

И здесь, как мы в дальнейшем узнаем,
Фархадом был устроен водоем, —

Нет, озеро там выдолбил Фархад,
Чья площадь — шестьдесят на шестьдесят.

Вода его живой водой была,
Свежа, прохладна и до дна светла.

* * *

Вблизи дворца стоял один утес,
Который в небо голову вознес.

Он круглым был, — в окружности своей
Имел он свыше пятисот локтей.

Фархад подумал: «Исполин-скала!
Мне тут сама природа помогла.

Об остальном я позабочусь сам:
Прекрасный замок из скалы создам».

Опять Фархад кирку пускает в ход,
Над озером он замок создает,

Из цельной глыбы строит он дворец —

Искуснейшего зодчества венец.

Возглавлен был высоким сводом он,
Стоял лицом к озерным водам он;

Его айван со множеством колонн
В лазурный упирался небосклон.

Величию наружному под стать
Сумел Фархад и все внутри создать:

Был для приемов и пиров большой
Внутри скалы им высечен покой;

Вверху простерся купол-великан,
Трехарочный и тут стоял айван

С высокими колоннами: Фархад
Не пожалел трудов для колоннад.

Он отзеркалил так скалу-дворец,
Что весь подобен стал стеклу дворец.

Своим резцом художник-камнетес
Узоров много на айван нанес,

Украсил стены множеством картин, —
На каждой он изображал Ширин.

Была на троне изображена
Средь гуриеподобных дев она.

Но даже и при райской красоте
Лишь воплощенной формой стали те,

Зато Ширин была так хороша,
Как в образ воплощенная душа!

Во многих видах он изображал
Ту, для кого дворец сооружал.

Изображал он также там себя,
Но так изображал он сам себя,

Что где бы ни была она иль он,
К ней взор его всегда был устремлен.

Шапур его не оставлял и тут,
С ним разделяя живописи труд,

И смелой кистью другу помогал,
И в кисть Фархада смелость он влагал.

Над росписью работая в те дни,
Друг друга дополняли так они:

Один — людей напишет, тот — зверей,
Один — зверей поправит, тот — людей.

Ту, что была всем пери образцом,
Фархад не кистью лишь, но и резцом

Изобразил на камне, и себя
Из камня высек, плача и скорбя.

Так создан был из той скалы дворец,
И так он был украшен под конец,

Подобный по величине горам,
А по изяществу — китайский храм.

Когда уже все кончил в нем Фархад,
Вновь принялся за водоем Фархад,

Стал от него арыки ответвлять
И к самому дворцу их направлять,

Так, чтоб дворец Ширин со всех сторон
Узором водным был осеребрен.

Когда он это дело завершил,
И город он снабдить водой решил.

А город был внизу, и без воды
Там огороды гибли и сады.

Фархад исчислил высоту, — она
Двум тысячам локтей была равна.

И с этой кручи вниз пустил Фархад
За водопадом в город — водопад.

И так благодаря его трудам
Все люди воду получили там...

* * *

Когда же день настал для пуска вод,
Смятением охвачен был народ.

Не только этот город, — вся страна
Событием таким потрясена,

Спешила к месту зрелища толпой,
Невиданной досель еще толпой —

Такой, что, попади в нее игла,
И та упасть бы наземь не могла.

Да что игла! Из-за людских лавин
Ни гор не видно было, ни равнин!

А несравненный низвергатель скал
Вдоль берега арычного шагал,

В слезах, печальный. И, как он, понур,
Брел рядом с ним и друг его Шапур.

Да, шел Фархад, тоскою удручен,
Одной мечтою страстной увлечен.

Он думал: «Валит весь народ сюда,
Быть может, и она придет сюда

Поллюбоваться делом рук моих —
Моя любовь, источник мук моих.

Я жду ее, тоскую, но боюсь:
Придет — от радости я чувств лишусь.

А если вдруг не явится — умру.
Не повидав красавицы — умру...»

Так, молча, нес он бремя горьких дум.
Но в это время он слышал шум,

И вот — сквозь слезы, как сквозь пелену,
Он видит караван Михин-Бану.

Блестящей свитою окружена,
Как между звезд бесчисленных луна,

Была она так величава, — вся
Великолепье, блеск и слава вся.

Горячим ликованием обуян,
Народ, столь пышный видя караван,

Срывал все драгоценности с себя,
И путь царицы устилал, любя.

Фархад остановился и поклон
Отвесил низко, горем ущемлен:

Не находил он в царской свите той,
Которая была его звездой.

Печально он опять побрел вперед,
И весь тот многочисленный народ,

Заполнивший от гор до гор пути,
Держал о нем лишь разговор в пути —

И, праздник омрачая сам себе,
Скорбел и плакал о его судьбе.

Хотя Фархад и поспешить бы мог,

Он остановкам находил предлог,
 А сам смотрел: не прибыла ли та —
 Его любовь, страдание, мечта.
 Глядел не в два, — в четыре глаза он,
 Ища ее — смятение времен.
 И так дошел он до истока вод,
 И так за ним дошел и весь народ.

* * *

Подай вина мне, кравчий! Винный хмель
 Приятней, чем тоски полынный хмель!
 О хмель разлуки! Сколько боли в нем!
 Лечи его свиданьем иль вином!

Миниатюра из рукописи XV в.
 «Фархад и Ширин»

ГЛАВА XXXIV

ПРАЗДНИК ВОДОПУСКА

*Солнце Армении спешит к водному знаку зодиака.
Суматоха в толпе. Приезд Ширин.
Осмотр арыка. Вода пущена. Ликование народа.
Фархад на плечах приносит Ширин вместе с конем к водохранилищу.
Вода в замке. Снова разлука*

Кто в тех горах разламывал гранит,
Поток прозрачной речи так стремится.

* * *

Когда Фархад, на сердце навалив
Хребты печали, реки слез пролив,
Отправился в тот день на пуск воды, —
Ширин, кто знала все его труды:
И высеченный среди скал арык —
Тот гладкий, как лицо зеркал, арык;
И тот дворец, подобный небесам,
Который для нее он создал там;
И те узоры и картины те,
Которым равных нет по красоте;
И все, что он свершил и что вовек
Другой свершить не мог бы человек, —
Осведомляясь каждый миг о нем
И тем же, что и он, горя огнем,
На этот раз, такую слыша весть,
Волнения не в силах перенести, —
Придворным слугам отдает приказ
Коня Гульгуна оседлать тотчас.
Тот резвый конь был на ходу легок —
Зерном жемчужным он катиться мог,
Он ветром был. Ширин — нежна, тонка,
Была на ветре лепестком цветка,
Но прежде, чем на ветер свой воссесть,
Ширин к Бану с гонцом послала весть:
«В прогулку солнце хочет, мол, пойти,
Оно спешит, оно уже в пути.
И тот себе наметило привал,
Что зодиака знак облюбовал. [\[37\]](#)
Так пусть булаторукий витязь — тот

Гранитонизвергатель подождет.

Пусть водопуск задержит, пусть вода
Пойдет, когда прибуду я туда...»

Бану, обрадована вестью той,
Спешит найти в толпе людей густой

Фархада, потерявшего, скорбя,
Не только сердце, — самого себя.

Найдя, сказала: «Ты нас извини.
Тебе лишь огорчения одни

Мы причиняли, и велик наш стыд,
Но разве он тебя вознаградит?

Немало ты набегался. Присядь.
О радости хочу тебе сказать:

Сейчас сюда и та прибыть должна,
Что, словно роза нежная, нежна,

Стройна, как кипарис, — чтоб озарить
Арык, что соизволил ты прорыть,

И цвести, как роза и как кипарис,
У этих вод. А ты приободрись...»

Ведя такой сердечный разговор,
Баку велела разостлать ковер,

Поставить трон и, дав коню покой,
Сошла с седла, на трон воссела свой —

И вновь Фархаду оказала честь,
Прося его на тот ковер присесть.

Гранитосокрушитель, весь в пыли,
Склонился перед нею до земли —

И, словно ангел божий, он присел,
У тронного подножья он присел...

Но тут в толпе возникла кутерьма.
Пыль черная, густая, как сурьма,

Клубилась вдалеке. Она, она —
Султан красавиц, ясная луна,

Вершина красоты, светильник дня —
Сюда поспешно правила коня!

А стража стала оттеснять народ,
Который сбился у истока вод

Вокруг Фархада и Михин-Бану.
Но как сдержать взметенную волну?..

Фархад весь дрожью был охвачен вновь,
Внезапный жар в нем высушил всю кровь.

И начала его увещевать
Михин-Бану заботливо, как мать:

«Свою ты волю напруги, сынок,
Глаза и сердце береги, сынок!

Ведь, потеряв рассудок в этот миг,
Ты рушить можешь все, что сам воздвиг.

Пред всем народом обезумев здесь
(Об этом поразмысли, это взвесь),

Как встретишься ты с пери? Что, когда
Ее страдать заставишь от стыда?

Мир не прощает недостатков нам.
Ты овладей собой, не мучься сам,

Не огорчай меня, а также ту —
Земную гурию, твою мечту...»

Пока боролся он с собой самим,
Красавица была почти пред ним.

В огонь, что на щеках ее пылал,
Как саламандра, весь народ попал.

Не говори, что за кольцом кольцо
Спадали кудри на ее лицо,

Благоухая амброй: это — дым
От пламени того был столь густым,

Как амбра черный, — чернотой своей
Мир омрачил он тысячам семей...

К Фархаду направляя скакуна,
Смущала время красотой она,

И, дерзко время попирая в прах,
Конь приближался, взмыленный в пахах.

Бану Фархаду говорит: «Спеши
Взор убережь от бедствия души,

Покуда не сошла она с седла,
И принимайся за свои дела.

Быть может, нелюбезен мой совет,

Но был бы лишь полезен мой совет».

* * *

Шапур помог Фархаду встать — и тот
Пошел с киркой открыть воде проход.

А тут как раз поспела и она —
Та, что была от пери рождена.

И, осмотрев со всех сторон арык,
Любуясь, как сооружен арык,

Ширин, в восторге, слов не находя
И руки в изумленье разводя,

Качаньем головы, улыбкой — так
Высказывала радость, что ни шаг...

Фархад киркой пробил дыру, куда
Вся ручьевая хлынула вода,

Но, встретив заграждение камней,
Свернул сначала в сторону ручей.

И, словно мельница стояла там,
Теченьем камни увлекало там.

Когда же стал арык приютом вод,
Волненье всколыхнуло весь народ.

Как будто вся толпа сошла с ума,
Такая началась там кутерьма,

Такая суматоха, клики, рев, —
И тут и там, с обоих берегов.

Подтягивали пояса певцы, —
Настраивали голоса певцы,

Так, чтоб напевы их звучали в лад
С водой, которую пустил Фархад.

Михин-Бану с красавицей своей
Во весь опор помчали двух коней,

Чтоб, обогнав течение воды,
Ждать в замке появление воды.

Но даже конь небесный бы не мог
Опередить столь быстрых вод поток.

И все-таки за всадницами вслед
Пустился весь народ — и юн и сед.

Фархад, давно оставшийся один,

Пешком понесся догонять Ширин.

А конь ее, как ни был он горяч,
Как ни летел за ягачом ягач

(Не говори, что ровным прямиком, —
Летел и через горы ветерком!), —

Но ветерок, чья ноша серебро,^[38]
Боится сбросить все же серебро, —

И был в такой тревоге этот конь,
Резвейший, ветроногий этот конь,
Что вдруг одну из ног вперед занес,
А остальными — в камень будто врос.

А если бы его погнать тогда, —
Могла с Ширин произойти беда:

Запутаться ногами мог бы конь,
Свалить ее на камни мог бы конь!..

Фархад, которого примчала страсть,
Чтоб розе с ветра наземь не упасть,

Согнулся, как под солнцем небосвод,
Спиной уперся он коню в живот,

Передние схватил одной рукой,
Две задние ноги схватил другой,

И так же, как владычицу сердец
Носил тот ветроногий жеребец,

Так на своих плечах Фархад-Меджнун
Понес обоих, как лихой скакун.

Он так помчался, что, как черный дым, —
Нет, как сурьма, клубилась пыль за ним.

Без передышки на себе их мча,
Два или три бежал он ягача —

И вскоре очутился пред дворцом.
Он обежал дворцовый водоем,

К айвану подбежал и, стан склоня,
Поставил наземь пери и коня...

Едва сошла красавица с седла,
Вода в арык дворцовый потекла.

Прах пред Ширин облобызал Фархад,
Опять ни слова не сказал Фархад,

И, слезы проливая, он ушел,
Как туча дождевая, он ушел.

Когда он в горы шел тропой крутой,
Арык уже наполнился водой,

И до краев был полон водоем —
Так что вода не умещалась в нем;

Она, подобна райским ручейкам,
Текла вокруг дворца по арычкам,

В степь изливаясь, продолжала путь,
У горожан в садах кончала путь...

«Рекою жизни» тот арык с тех пор
Завется у людей армянских гор,

И «Морем избавленья» — водоем
Народ прозвал на языке своем.

* * *

Эй, кравчий, море винное открой —
И чашу дай с корабль величиной!

В арыке винном — воскресенье мне,
А в море винном — избавленье мне!

ГЛАВА XXXV

ФАРХАД НА ПИРУ У МИХИН-БАЛУ

Ширин тоскует.

Михин-Бану приглашает Фархада на пир.

Десять ученых дев.

Здравица Ширин за Фархада и за ее любовь к нему

ГЛАВА XXXVI

СВАТОВСТВО ХОСРОВА

Иранский шах Хосров Парвиз ищет новую жену.

Сообщения гонцов о красавице Ширин.

Советник шаха Бузург-Умид.

Отправка посла к Михин-Бану

ГЛАВА XXXVII

МИХИН-БАНУ ОТКАЗЫВАЕТ ХОСРОВУ

Приход иранского посла.

Неожиданное предложение.

Объяснение с Ширин. Пир в честь посла.

Мудрый отказ Михин-Бану. Гнев Хосрова

ГЛАВА XXXVIII

НАШЕСТВИЕ ХОСРОВА НА СТРАНУ АРМЕН

Крепость Михин-Бану.

В ожидании осады. Фархад на вершине скалы.

Хосров осматривает крепость.

Два метких камня Фархада

Войска стихов построив на смотру,
Поэт в поход повел их поутру.

* * *

Парвиз, поднявший гнева острый меч,
Решив страну армян войне обречь,

Собрал такую силу, что и сам
Не ведал счета всем своим бойцам.

За войском поднимавшаяся пыль
Мрачила светоч дня за милем миль,

Скажи — совсем затмила светоч дня,
Сознание неба самого темня.

Не помнил мир неправый, чтоб поход
Настолько был несправедлив, как тот!

Немного дней водил Парвиз войска, —
Увы, была страна Армен близка...

Тревоги весть летит к Михин-Бану,
Что вторгся неприятель в их страну,

Что он потоком грозным хлынул... нет, —
Какой поток! То море страшных бед!

Какое море! Ужасов потоп!
Нет ни дорог свободных и ни троп...

Бану не растерялась: в ней давно
Созрела мысль, что горе суждено.

И был начальник крепости умен —

К осаде крепость приготовил он.

А крепость, простоявшая века,
Была и неприступна и крепка,

Но так ее сумел он укрепить,
Что крепче и кремлю небес не быть.

Дорога, по которой в крепость шли
Арбы с пшеницей, с сеном той земли,

Напоминала неба Млечный Путь,
Покрытый звездной зернью вечный путь.

За крепостной стеной, что вознеслась
Зубчатым гребнем в голубой атлас,

За каждым из зубцов — гроза врагам —
Сидел не просто воин, — сам Бахрам!

Рвы доходили до глубин земных,
И так вода была прозрачна в них,

Что по ночам дозорным со стены
Бывали звезды нижние видны. [\[39\]](#)

Вся крепость так укреплена была
И так припасами полна была,

Что даже и небесный звездомол
Лет в сто зерна б того не промолол.

Как звезд при Овне — было там овец,
Коров — как звезд, когда стоит Телец.

Описывать запасы всех одежд
Нет смысла нам, — а счесть их — нет надежд...

Теперь Бану заботилась о том,
Чтоб власть в народе укреплять своим.

А пери думу думала одну —
Она с военачальником Бану

Фархаду в горы весть передала:
Мол, таковы у них в стране дела, —

Его судьба, увы, ее страшит,
Пусть он укрыться в крепости спешит.

Не думал он в укрытие засесть,
Но, чтоб обиды пери не нанести,

Он все же нужным счел туда пойти,
Но с тем, чтоб не остаться взаперти...

Над крепостью была одна скала —
Быть башней крепости небес могла.

На ней Фархад решил осады ждать,
Чтоб камни в осаждающих метать...

* * *

А между тем туда спешил Хосров,
Придя, войска расположил Хосров

От места укрепленного того
В полмиля расстояния всего,

А сам со свитой выступил в объезд —
Обозревать твердыню здешних мест.

Внимательно он местность изучал,
На крепость взоры часто обращал,

Обдумывал, рассчитывал, но взор
Не крепость видел на высотах гор,

А небо на земле. Как небо взять?
Где силу и дерзанье где бы взять?

Так размышлял и каялся Парвиз,
Но не совсем отчаялся Парвиз:

В походе пользы, может быть, и нет,
Но сожаленья путь — не путь побед.

Хосров на ту скалу направил взгляд,
Где на вершине пребывал Фархад,

Как жемчуг драгоценный на челе.
Хосров его заметил на скале,

И, словно сам в себя вонзил кинжал,
Он, к свите обратившись, так сказал:

«Осведомьтесь, кто дерзкий тот храбрец —
Угроза и смятение сердец!»

Погнал коня один из тех людей,
К скале приблизился и крикнул: «Эй!

Желает знать великий шах Парвиз,
Кто ты такой? Чем занят? Назовись!»

И так Фархад ответил со скалы:
«Себе не стану расточать хвалы.

Я к именитым не принадлежу, —
Я именем своим не дорожу,

Оно мне чуждо стало, — нет, оно
Исчезло — в прах, в золу превращено

Огнем любви, в котором весь сожжен,
Я своего же существа лишен.

Но люди легкодумны, — потому
Небытию не верят моему, —

И, прах мой поминая, не в укор,
Фархадом именуют до сих пор...»

От столь глубокомудро-скорбных слов
Чуть не лишился разума Хосров.

И, ревностью сжигаем, думал шах:
«Есть сладость в этих мыслях и словах,

Красноречив соперник мой Фархад,
Но в сахаре он мне подносит яд,

Убить змею шипучую — не жаль:
Не ползай и при случае не жаль!

Чтоб не вонзился терний в ноги, — прочь!
Он мой соперник, — и с дороги — прочь!

Пришла пора стянуть на нем аркан,
Пробить ему в отходный барабан».

И кликнул шах: «Эй, люди, кто храбрей!
Ко мне его доставьте поскорей...»

Увидел с высоты своей Фархад,
Что мчится в десять всадников отряд,

И громко закричал оттуда вниз:
«Эй ты, сардар! Хосров ли ты Парвиз

Иль не Хосров, но уши ты открой
И вслушайся в мои слова, герой!

Своих людей ко мне ты с чем послал?
Когда б меня ты в гости приглашал,

То разве приглашенья путь таков,
Что требовал бы сорока подков?

А если смерти ты меня обрек,
Мне это — не во вред, тебе — не впрок,

И грех пред богом и перед людьми
За десять неповинных жертв прими.

Ты волен мнить, что это похвальба.

Однако шлема не снимай со лба:

Метну я камень в голову твою —
И лунку шлема твоего собью.

Вот мой привет! И вот — второй! Проверь:
Сбиваю с шлема острие теперь».

Фархад метнул за камнем камень в шлем —
И лунку сшиб и острие затем.

Сказал: «Вот подвиги людей любви!
Ты видел сам и воины твои,

Как меток глаз мой, как сильна рука:
Так уведи скорей свои войска,

Иначе — сам себя же обвиняй:
Всех истреблю поодиночке, знай!

Хоть пощадил я череп твой, а все ж
И сам ты головы не унесешь.

А потому благоразумен будь —
И с головой ступай в обратный путь.

И милосердью ведь пределы есть:
Не вынуждай меня, сардар, на месть.

Я не хочу, чтоб каждый камень мой
Стал неприятельскою головой.

Но мне, в себе несущему любовь,
Я верю — бог простит и эту кровь.

Тебя он шахом сделать захотел,
Мне — прахом быть назначил он в удел,

Однако дело, коим занят шах,
Стократ презренный прах в моих глазах.

Дорогой гнета день и ночь скача,
Конем насилья все и всех топча,

Ты тем ли горд, что кровь и произвол
Ты в добродетель царскую возвел?

Моею речью можешь пренебречь,
Но страшно мне, что ты заносишь меч

И тучу войск на ту страну ведешь,
Куда тебя вела любовь... О, ложь!

Свои уста, язык свой оторви —
Ты говорить не смеешь о любви!..»

Рассерженный Хосров остался нем.
Фархад пробил сначала камнем шлем,
Теперь, произнеся такую речь,
Вонзил он в сердце шаха острый меч.
И, в сердце уязвлен, Хосров ушел,
К своим войскам он, зол, суров, ушел.

* * *

Войска печали, кравчий, отзови!
И шах и нищий — все равны в любви,
Любовь для нас, как власть царям, — сладка,
Но есть соблазн и в доле бедняка.

ГЛАВА XXXIX

ОСАДА КРЕПОСТИ АРМЕН

*Новая попытка вынудить Михин-Бану к согласию.
Достойный ответ. Ревность и ярость Хосрова.
Начало осады*

ГЛАВА XL

ПЛЕНЕНИЕ ФАРХАДА

*Фархад побивает иранцев камнями.
Коварный план. Мнимый меджнун. Отравленная роза. Засада.
Пленение. Горе Шапура*

Что крепость небосвода? Лучше ты
Скажи о ней: твердыня красоты!

* * *

Когда к осаде приступил Хосров,
Он вырыть приказал огромный ров
И круглый вал насыпать земляной,
Чтоб с тылу оградить себя стеной...
А в это время в крепости армян
Бил день и ночь тревоги барабан,
Дозорных крик не умолкал всю ночь,
И глаз никто там не смыкал всю ночь,

И, факелами вся озарена,
Пылала, как жаровня, их стена...

Десятый день в осаде жил народ,
Не отпирая ни на миг ворот.

Но к их стене вплотную подойти,
Людей своих на приступ повести

Хосров не мог: на тысячу локтей
Фархад камнями побивал людей.

Метнет — разбита вражья голова.
Но он пробил бы даже череп льва.

Что — головы? Попал бы он равно
И в маковое малое зерно!

Несчетно камни он заготовлял,
Врагов несчетно ими истреблял...

Но если спросишь: как же тот, кто сам
Привержен был к страданиям и слезам;

Кто каждому несчастному был рад
Помочь и обласкать его, как брат;

Кто с каждым бедняком сердечен был,
Великодушен, человечен был;

Кто, возмущен насильем, гнетом, злом,
Теперь убийство сделал ремеслом? —

То мы напомним: проливая кровь,
Он воевал за верность и любовь.

И ужас наводил на тех людей,
Которых на злодейство вел злодей.

Фархад же человеком был — и он
Самозащиты признавал закон.

Да, положение было таково:
Иль он Хосрова, иль Хосров — его!

Любя Ширин, ее народ любя,
Он поступал, как муж, врагов губя...

А шах Хосров, злодей эпохи той,
Весь мир топча губительной пятой,

Бездействовал угрюмо день и ночь,
Все о Фархаде думал день и ночь;

Как обезвредить, как его убрать,

Чтоб двинуть, наконец, на приступ рать?

С Бузург-Умидом ночи он сидел:
Как быть, где средство к улучшенью дел?

Что ни решат — все тайна. А к утру —
Молва кочует от шатра к шатру.

И гневный шах, качая головой,
Не мог с безликой справиться молвой...

Но вот один бесчестный негодяй,
Хитрец и плут, известный негодяй,

Кто дьяволу пришелся б двойником,
Нет, — дьявол был его учеником! —

Перебежал к Хосрову. Денег тьму
Шах посулил предателю тому.

А подлый плут решил награду взять
И хитростью живым Фархада взять.

Он так сказал: «Я чувств его лишу,
Но дать людей в засаду мне прошу...»

Коварный шах ему, что нужно, дал,
Сто человек в броне кольчужной дал.

Обходной тропкой двинулся хитрец, —
Помешанным прикинулся хитрец.

Сорвал он розу, снадобье добыл —
И розу этим зельем окропил.

Он брел нетвердым шагом, так стенья,
Что каждый стон был языком огня.

Безумцем притворясь, он громко пел
О той, по ком он якобы скорбел.

И так притворщик гнусный скорбен был,
Так жалок, так искусно сгорблен был,

Что лишь услышал песнь его Фархад
И лишь на нем остановил свой взгляд,

Он сразу вспыхнул жалости огнем,
И сердце больно закипело в нем.

Сказал он: «Кто ты? В чем твоя беда?
С какой ты улицы пришел сюда?

И кто она, светлейшая из лун,
Тебя ума лишившая, меджнун?

В меня любовь вонзила скорби меч, —
Как удалось ей грудь твою рассечь?

Несправедливым небом я казнен, —
Зачем же твой столь безнадежен стон?

Меня в огонь разлуки бросил рок, —
Ужель он и тебя огню обрек?..»

Хитрец, найдя доверия базар,
Раскинул лицемерия товар:

«Подвижников любви пророк и шах!
Мы на твоём пути — песок и прах.

Я имярек — скорбящий человек,
Пришелец я из края имярек.

Вела меня сквозь бедствия судьба,
Забросила впоследствии судьба

Меня сюда и покарала вновь,
Страдальческую присудив любовь.

Я разлучен был с милой. Но пока,
Хотя б тайком, хотя б издалека

Я мог послать ей вздох иль нежный взгляд, —
Был и таким я кратким встречам рад.

Хосров (будь проклят он! Да ниспошлет
Ему скорей возмездье небосвод!),

Когда пришел и город обложил,
Меня последней радости лишил:

Там, в крепости армянской, заперта
Со всеми горожанами и та —

Улыбчивая роза, мой кумир,
Нет, солнце, озарявшее мне мир!

Я тут чужой, я неизвестен тут, —
Мне в крепости укрыться не дают,

Слыву безумцем, и меня народ
Камнями прогоняет от ворот.

Отверженный, в пустыне я брожу, —
Сочувствия ни в ком не нахожу.

О горе, горе! Страшен мой недуг!
О, если б хоть один нашелся друг!..

Но ты, кто сам живя в цепях любви,

Слывешь проводником в степях любви,

Ты, шах всех униженных на земле,
Престол свой утвердивший на скале,

Поверить этой повести изволь —
И состраданием облегчи мне боль!..»

Весь вымышлен с начала до конца —
Фархада взволновал рассказ лжеца.

Ему казалось — самому себе
Внимает он, внемля чужой судьбе.

И так его разжалобил рассказ,
Что слезы градом полились из глаз,

И он издал, как пламя, жгучий стон
И наземь рухнул, горем потрясен...

Обманщик из-под рубища извлек
Отравленный снотворный свой цветок, —

И, чтоб продлить бесчувствие, поднес
Дурман Фархаду он под самый нос.

Разбив войска его сознания так,
Он закричал, подав засаде знак...

Шапур, за камнем лежа в стороне,
От сна дурного мучился во сне.

Услышав крик, вскочил в испуге он, —
Забеспокоился о друге он,

Взглянул — лежит ангелоликий друг,
И суетятся воины вокруг,

А между них — дьявололикий шут,
Поет и пляшет — счастлив дикий шут.

Так вот кем предан был Фархад!
Так вот Зачем меджнуном наряжен урод!

Шапур один, а те пришли толпой.
Как против ста он может выйти в бой?

И все они при копьях, при мечях —
Несут Фархада на своих плечах.

Тяжелый камень подыскал Шапур,
Вскочил на выступ, словно горный тур,

И притаился — ждал, пока пройдет
Как раз под ним ликующий урод, —

И бросил камень так, что черепки
Остались от предательской башки.

Есть поговорка: «Тверд зловредный лоб,
Но камень разобьет и медный лоб...»

Рыдал Шапур, — осиротел он вдруг,
Чуть на себя не наложил он рук.

Да что — Шапур! Гранитная скала
Слезам по Фархаду истекла...

Ни к радости, ни к горю свет не глух:
Летит, как быстрый камень, в крепость слух.

Но люди тайно горевали там, —
Несчастье от Ширин скрывали там,

Уверены, что иль сойдет с ума,
Иль жизнь свою она прервет сама...

* * *

Дай чару, кравчий, — я лишился сил:
Меня дурман разлуки подкосил.

Мой разум ты от плоти отдели,
Вином мое беспамятство продли!

ГЛАВА ХLI

ДОПРОС ФАРХАДА ХОСРОВОМ

Фархад в цепях. Допрос.

Приговор. Речь Фархада.

Заступничество Бузург-Умида.

Заточение Фархада в темницу Селасиль

ГЛАВА ХLII

ЖИЗНЬ ФАРХАДА В СЕЛАСИЛЬСКОМ УЗИЛИЩЕ

Отношение стражи к Фархаду.

Магическое слово Сократа.

Саморазмыкание оков. Невидимка.

Прогулка в окрестностях Селасиля.

Один или сто? Крылатые и четвероногие друзья

ГЛАВА ХLIII

ТЯЖЕЛЫЕ СТРАДАНИЯ ФАРХАДА В СЕЛАСИЛЬСКОМ УЗИЛИЩЕ

ГЛАВА XLIV

ШАПУР НАХОДИТ ФАРХАДА

*Страдания Ширин. Ночью на крыше замка.
Песня о гибели Фархада. Появление Шапура.
Вести из стана врагов.
Шапур с письмом Ширин отправляется в Селасиль.
Встреча друзей*

ГЛАВА XLV

ПИСЬМО ШИРИН К ФАРХАДУ

*Фархад прочитывает письмо.
Фархад пишет ответ. Друзья расстаются*

«В строках начальных моего письма,
Что за меня напишет боль сама,

Да прозвучит моя хвала тому,
Кто создал в мире черной скорби тьму

И кто обрек на вражий гнев и месть
Людей, чья непоколебима честь,

Кто им разлуку горше яда дал,
Сердцам влюбленных муку ада дал.

Когда он страсти молнию метнет,
И кипарис и хворост он сожжет;

Низринет он поток любви — беда! —
И пустоши зальет и города;

Он дунет ветром скорби — и для нас
Уже и свет ярчайших звезд угас;

Костер невзгод он разожжет, а дым
Глаза разъест и зрячим и слепым;

Он камнем гнева, брошенным с вершин,
Равно дробит стекляшку и рубин;

У соловья он исторгает стон,
На пышной розе в клочья рвет хитон;

Он атом на страдание обрек,
Он солнце на сгорание обрек...

Кончаю тут вступление к письму, —
Нет, не к письму, а к мраку самому!

Послание от лампы к мотыльку.
Увы, гореть уж нечем фитильку!

От саламандры — в капище огня, —
Скажу ясней: Фархаду — от меня:

Тебе, чья крепость горя — горный кряж,
Я, крепости тоски бессменный страж,

Пишу в слезах, измучена судьбой...
О милый мой страдалец, что с тобой?

Придавленный горой тоски по мне,
Как ты живешь в той дикой стороне?

Тростинку тела твоего, боюсь,
Не изломал бы горя тяжкий груз.

В пучине бед, наверно, тонешь ты?
В костре разлуки как там стонешь ты?

Как корчишься на том огне тоски,
Как сердце разрывается в куски?

Чернеет ли весь мир в твоих глазах,
Чуть о моих ты вспомнишь волосах?

Михраб моих бровей припомнив там,
Как юный месяц, не согнешься ль сам?

Мои ресницы вспомнишь ли, грустя,
Чтоб волос каждый стал острее гвоздя?

Лишь вспомнишь ты мои глаза скорбя,
Пронзит ли боль стоиглая тебя?

Представишь ли мои зрачки себе
Так, чтобы выжглись клейма на тебе?

Вообразишь мои две розы ты, — [\[40\]](#)
Прольешь ли розовые слезы ты?

О родинке моей мечтать начнешь, —
На ране сердца сколько мух сочтешь?

Без моего лица не в силах жить,

Не хочешь ли и солнце потушить?

Лишен беседы сладостной со мной,
Подолгу ль говоришь ты сам с собой?

Лишь память о зубах моих блеснет,
Не превращаются ли слезы в лед?

Когда вообразишь мои уста,
Блуждает ли в небытии мечта?

Не стали б ямки на щеках моих
Колодцами горчайших мук твоих!

Тебе в плену — моих кудрей узлы
Не будут ли, как цепи, тяжелы?

Не сделаешься ль золота желтей,
Припомнив серебро моих грудей?

Не сделаешься ль тоньше тростника,
Вообразив, как станом я тонка?..

В степи ль, в горах обрел обитель ты?
Обрел постель не на граните ль ты?

Где птица счастья твоего? Увы,
Витает над тобою тень совы!

Лань, говорят, теперь вожатый твой,
Кулан теперь там конь крылатый твой;

В твоей же свите состоят теперь
И птица хищная, и хищный зверь;

Львы у тебя — в стремянных, говорят,
Орлы — в бойцах охранных, говорят;

Царя царей теперь ты носишь сан,
Стал, говорят, велик, как Сулейман.

Но если Сулейману ты ровня,
Царицею Билькис сочти меня. [\[41\]](#)

А если же Билькис я не чета,
Твоей рабыней быть — моя мечта...

О, если бы судьба, чье ремесло —
Творить насилье, сеять в мире зло,

Моей горячей тронута мольбой,
Не разлучила бы меня с тобой!

Была б тебе я спутница и друг,
Всегда бы услаждала твой досуг;

Как солнце, озаряла бы твой день,
Была бы ночью при тебе как тень;

Ты б ногу занозил колючкой злой, —
Ресничкой извлекла бы, как иглой;

Я волосами подметала б сор,
Чтоб и соринки твой не встретил взор;

А пылью чтоб тебя не огорчить,
Могла б слезами землю омочить;

Хотел бы ты от скорби отдохнуть,
Склонил бы голову ко мне на грудь;

Сгустился б над тобою вечер бед, —
Лицо открыв, я излучала б свет;

А стал бы долгий день тебе невмочь, —
Волос душистых опустила б ночь;

Как амулет от боли и тоски,
Сплела бы на тебе я две руки;

Ты попросил бы зеркало — и вмиг
Я повернула бы к тебе свой лик;

А воспалился б сердцем и ослаб —
Уст моих сладкий ключ я поднесла б;

Была б твоим светильником в ночи,
А днем хранила б тайн твоих ключи...

Но, если мы — всем любящим пример —
Разобщены круговращеньем сфер,

То сможем ли, хотя б расшибли лбы,
Смягчить несправедливый суд судьбы?..

Но ты в народах мира знаменит
Тем, что тебе — как мягкий воск, гранит.

Тягчайшие страданья стерпишь ты,
Всех бедствий испытанья стерпишь ты,

И хоть со мной в разлуке ослабел,
Но будь, как витязь, доблестен и смел —

И мужество и твердость сохрани,
И в униженье гордость сохрани...

А если скорбь ударит камнем в грудь,
И крика ты не сдержишь — не забудь:

Закон влюбленных не нарушь, Фархад,

Блюди там клятву наших душ, Фархад!

А я, кого разлуки острый меч
На сто частей не пожалел рассечь,

Кого огонь разлуки сжег дотла,
Я — только раскаленная зола.

Но пусть душа на ста кострах горит,
Сильней огня девичий страх горит;

Не испустить на людях вздохов дым,
Не уронить слезы глазам моим!

Будь женщина, как лилия, скромна,
Будь гордою, как кипарис, она;

Пусть, как луна, сияла б красотой,
Луну хоть затмевала б красотой;

Возлюбленной она примерной будь,
Иль даже ветреной, неверной будь, —

Не дай господь ей как-нибудь попасть
В тот плен, которому название — страсть!

Не дай любви хлебнуть ей через край,
А дашь — мечом разлуки не карай.

Огонь такой любви нет сил снести,
Нет сил, чтоб душу из него спасти.

Спасется ль слабый малый муравей
От сотни жадных, беспощадных змей?

И хворостинке ль тонкой уцелеть,
Когда ударит молнийная плеть?

О, для влюбленных много страхов есть!
Страшней всего, однако, стыд и честь:

Хоть в судорогах бейся день и ночь,
Лишился чести — утешенья прочь!

Позора избежать ведь нелегко
Той, кто в любви заходит далеко.

Пускай вздыхает так, что семь завес
Поднимутся со всех семи небес,

Но ей с лица не снять покров стыда,
Ей от людского не уйти суда...

Твоя печаль, я знаю, тяжела,
Но не подумай, что моя мала.

И все же, вспомнив о тебе, Фархад,
Свои страдания множу я стократ.

Я пленница любви твоей, и вот —
Мой стон, мой вопль пронзает небосвод.

С тобой в разлуке я забыла смех,
Мне без тебя на свете нет утех:

Венец мой царский захватил Хосров,
Мой край родной поработил Хосров;

Я и народ мой жить обречены,
Как совы, в тьму пещер заточены;

Нас всех теперь сравнивал надменный враг:
Мы все рабы — царица и бедняк.

Те, кто в плену — мертвы при жизни тут,
Те, кто спаслись — от страха перемрут.

Все эти беды, весь позор, вся кровь —
Всему причиной лишь моя любовь.

Меня народ возненавидит... Ах, —
Его проклятья у меня в ушах!

Стыд перед ним терзает душу мне,
Стыд пред Бану убьет меня вдвойне...

И все-таки скажу я без прикрас:
Моих страданий будь хоть во сто раз,

Не в сто, а в тысячу раз больше будь, —
Но только б на тебя еще взглянуть, —

Клянусь, что буду я тверда, как сталь,
Что отойдет с моей души печаль!

Но и сейчас, в разлуке, в этот час,
Что горше самой смерти во сто раз,

Поскольку я еще дышу пока,
Надежду в сердце я ношу пока.

Конец тогда, когда надежды нет, —
С надеждой можно отстрадать сто лет...

Теперь я об одном тебя прошу:
Письмо, что я в смятении пишу

Пером смятенья, мертвая почти, —
Внимательно прочти и перечти

И, если хочешь облегчить мне боль,

Прислать ответ с посланцем соизволь.

Я сохраню твое письмо-привет,
Как тайный, чудотворный амулет,
Оно послужит для Ширина твоей
Охранной грамотой от всех скорбей...»

* * *

Когда несчастный дочитал письмо,
Рыдая, целовать он стал письмо,

В безумии стена, крича, вопя,
Он наземь падал, корчась и хрипя.

Когда же, наконец, он поборол
Безумья приступ и в себя пришел, —

Шапур калам для друга очинил,
Бумагу подал и сосуд чернил,

И сел Фархад и стал писать ответ —
Повествованье мук своих и бед...

Фархад письмо Шапуру передал,
Простился с ним — и снова зарыдал.

Шапур ушел. Бог весть каким путем
С письмом пробрался в крепость он потом.

Ширин взяла в смятении письмо,
Прочла в уединении письмо,

Высокой скорби страстные слова
Нам огласит дальнейшая глава.

ГЛАВА XLVI

ПИСЬМО ФАРХАДА К ШИРИН

*Горе и радость Ширин и Михин-Бану.
Почести Шапуру*

«Письмо печали, славословьем стань
Тому, кто, взяв перо творенья в длань,
Навел на гладь вселенной свой узор,
Узор нетленный рек, долин и гор;

Кто молнией любви сверкнул — и так
Мир разделил с тех пор на свет и мрак:

Он создал силу — имя ей Любовь.
Ей, как судьбе своей, не прекословь,

И, кто ее печатью заклеямен,
Скитаться, словно атом, обречен.

Свою отчизну должен он забыть —
И горькое вино чужбины пить,

И если на чужбине кров найдет,
То скоро целый мир врагов найдет.

Но если друг ему в награду дан,
То не страшны ему враги всех стран,

Он похитительницею сердец
В письме утешен будет наконец...

Да, горный кряж страданий сплошь в гранит
Из края в край та сила превратит,

А луг любви в пустыню мук и бед. —
Влюбленным из нее исхода нет!»

Такие мысли изложив сперва
Во славу сил любви и божества,

Он, словно одержимый, весь дрожал —
И пламенную повесть продолжал:

«Всеозаряющему свету дня
Послание от дымного огня.

От терния пустыни к розе... нет, —
Терновник кипарису шлет привет!

Из преисподней ада в вышний рай —
Письмо Фархада, пери, прочитай!

* * *

Клянусь душой загубленной своей:
Тебя назвать возлюбленной своей,

Сердечным словом *милая* — и то
Назвать я не осмелюсь ни за что!

Да, я прослыл безумцем. Признаюсь,
С безумьем прочен у любви союз.

Но пери луноликая сама
Свела меня, несчастного, с ума.

И если б я, помешанный, в бреду
Сказал такое слово на беду,

То, да простится заблуждение мне, —
Есть, как безумцу, снисхождение мне.

Да, я Меджнун, а ты моя Лейли,
Моя недостижимая Лейли.

Мне был приказ Лейли — и я пишу,
Заочно перед ней в пыли — пишу.

Ей, как Меджнун, всю душу изолью,
Всю боль разлуки, муку всю мою.

Не обо мне, однако, будет речь, —
Нет, о твоих собаках будет речь...

Как им живется? Сыты ли они?
В покое ли, в тоске ль проводят дни?

Глубокой ночью сон тревожа твой,
Собравшись в круг и поднимая вой,

О чем они так долго воют все?
Не обо мне ль, пропавшем жалком псе?

Когда, ворча, бросаются на кость,
Какой мечтой себя приводят в злость?

Не хочется ль полакомиться им
Костлявым телом высохшим моим?

Когда в долбленный камень бьются лбом,
Чтоб вылизать глоток похлебки в нем,

То знают ли, какие камни тут
По темени меня все время бьют?

Лакая воду, хоть один ли пес
Поток моих соленых вспомнит слез?

Когда на цепи их сажает псарь,
Не мнится ль им, что он иранский царь?

В ошейниках спеша к себе домой,
Не думают ли про ошейник мой?

Собачьи вопли их не унимай:
Не о моей судьбе ль их злобный лай?

О, если б на ночь вместе с ними мог
Склонить я голову на твой порог!..

Мне там дороже всех была одна:

Была, как я, измучена, больна
И, словно бы стыдясь других собак,
На морду уши свешивала так,
Что покрывалом из больших ушей
Скрывала морду от чужих очей.
Весь выпирал ее спинной хребет,
Подобный узловатой нити бед.
Не только защищаться не могла, —
Свой хвост она едва уж волокла.
Была она вся в язвах, и ее
Терзали мухи, словно воронье.
Ей — от коросты, от увечных ран,
Мне мука суждена сердечных ран.
Быть может, и неведомо тебе,
Она была так предана тебе:
Ни на кого не поднимала глаз,
Но четырех ей мало было глаз,[\[42\]](#)
Когда ты проходила через двор,
Ей подарив случайный, беглый взор.
Хоть в этом с ней соревновались мы,
Друзьями все же оставались мы.
Чем больше был, чем дольше был я с ней,
Тем обнаруживал я все ясней
В ней свойства человечности. Поверь,
Что человечности не чужд и зверь!
Была она великодушна... Да!
Переступив порог твой иногда,
В своей собачьей радости, она
Ко мне бывала жалости полна.
Так иногда, при виде бедняка,
У богача раскроется рука.
Нет! Мы дружили. Помню, и не раз,
Я плачу — слезы у нее из глаз...
Что с ней теперь? Я мысли не снесу,
Что так же тяжело ей, как мне здесь, псу.
Все так же ль носит в сердце, как недуг,
Воспоминанье обо мне мой друг?

Ах, может ли она в себе найти
Остаток сил — на твой порог вползти?

А если хватит сил, — о боже! — пусть
Поймет она мою, собачью, грусть!..

Но, беспокоясь о ее судьбе,
Осмелюсь ли спросить я о тебе?

Когда свое писала ты письмо,
Из жемчугов низала ты письмо,

И столько чистых, звонких в нем монет,
Чистейших чувств, что им и счета нет!

Но чем отвечу я на это все?
Вот — сердца звонкая монета. Все!

А сердцем я пожертвовать готов
За буковку твоих бесценных слов...

Ты пишешь, как страдаешь за меня;
Жжет эта весть меня сильнее огня,

Пусть тысячи умрут, подобных мне, —
Мы — прах. О чем скорбеть моей луне?

Ты пишешь, что, в страданиях закалясь,
Живешь, судьбы ударов не боясь,

Что ты окрепла в горе, что с горой
Ты справиться могла бы, как герой...

А я... какой же подвиг совершу,
Когда уже едва-едва дышу?

Я слабосильный, жалкий муравей,
В моих глазах кусок веревки — змей,

Дорожный камень для меня — гора.
О мощь моя! Прошла твоя пора!..

Могуч я лишь мечтаньем о тебе,
Душа сыта страданьем по тебе.

Но сколько б сил в любви ни черпал я,
Дракона превращает в муравья

Такая страсть, — и если будет он
Растоптан ею, — вот любви закон!..

Другая весть от луноликой мне:
Из-за ее большой любви ко мне

Ее страна, и трон, и весь народ

В руках врага и что не счесть невзгод;

Что в крепости, в горах заточены,
И вы с Михин-Бану обречены...

Как тяжело сердцу внять таким словам!
Чем вас утешить, чем помочь мне вам?

Ни сил я, ни отваги не найду,
Но слово на бумаге я найду:

Когда судьба обрушит свой кулак,
Ты перед ней покорной жертвой ляг!

Я знаю, как угнетена страна,
Которая врагом покорена,

Я знаю участь подданных твоих.
Сочти меня ничтожнейшим из них, —

Те бедствия, что грозный небосвод
Обрушил на тебя, на твой народ,

Столь велики, что не могу дерзнуть
Сказать, что я страдал когда-нибудь.

Но если скажешь: «Поделом ему!
А нам возмездье неба почему?!» —

То жертвой искупленья хоть сейчас
Душа моя готова стать за вас!..

Кто я и что в твоих глазах теперь?
Я на твоём пути лишь прах теперь!

Но не всегда я прахом низким был, —
Имел я дом и дорог близким был,

И родину имел и царский сан, —
Ведь мой отец китайский был хакан!

Венец его над головой моей,
Престол его был под ногой моей;

Двенадцать тысяч городов в стране
Повиновались и ему и мне.

Была большая свита, войска тьма
И роскошь, всех сводившая с ума.

Однако же, когда издалека
Напали на меня любви войска

(Не самого явления любви, —
Нет, лишь воображения любви!), —

Я стал несчастным, и в несчастье том
Был вынужден покинуть отчий дом

И разлучиться с царством и страной.
И все рабы и знать страны родной —

Весь мой Китай тьмутысячный рыдал,
Когда я край отчизны покидал.

Я облачил в печаль отца и мать,
Чтоб им ее до гроба не снимать.

Их небосвод осиротил в тот день,
Меня же в прах он превратил в тот день!

Но раз любовь природою моею
Была уже во тьме предвечных дней —

И на страданье обречен я был,
Когда еще и не рожден я был, —

То на кого поднять упрека меч?
И не себя ль на кару мне обречь?

Подобных мне хоть сто, хоть сто раз сто,
И тысячи Хосровов грозных — что

Перед судьбой всесильною? Рабы!
Нет, не рабы, — пылинки для судьбы!

Я ослабел... Уже едва-едва
Держу калам и вывожу слова.

Я много знал, но, разум потеряв,
Стал неучем, все разом потеряв.

Все знанья стали кучей слов пустых,
Но вот уже я путаюсь и в них.

Последних мыслей свет в мозгу темня,
Сознание покидает вновь меня.

Уже пишу, не зная, что пишу...
Простить меня, безумного, прошу.

Прогулку завершает мой калам...
Да завершится все на благо вам!»

* * *

Ширин письмо читала, возбуждаясь,
То вскакивая, то опять садясь;

То — в горе сгорбит, как старуха, стан,
То распрямит, воспрянув духом, стан;

То плачет от тоски по нем, то вдруг
От счастья плачет: «Жив он, жив мой друг!»

Потом с многожеланным тем письмом
Она к Михин-Бану вернулась в дом,

И обе, радуясь и плача там,
Вели свой разговор горячий там.

Михин-Бану, Шапура обласкав,
Ему большие почести воздав,

Просила, чтоб Шапур поведал им,
Как встретился он с другом дорогим,

Обрадовался ли письму Фархад,
Что на словах сказал ему Фархад...

О весть надежды! Как ты хороша
В тот час, когда отчаялась душа!

Яви мне, боже, чудеса твои:
Вложи в основу жизни Навои,

Когда бы ни отчаивался он,
Надежды оживляющей закон!..

* * *

Вина мне, кравчий! И не отрезвляй!
Надежду потерять не заставляй.

Моя надежда и твоя слиты:
Чего достигну я, достигнешь ты.

Миниатюра из рукописи XV в.
«Фархад и Ширин»

ГЛАВА XLVII

ШАПУР ПОПАДАЕТ В РУКИ ХОСРОВА

Засады на путях к Селасилю.

Шапур схвачен.

Хосров читает очередное письмо Ширин к Фархаду.

Новый совет Бузург-Умида

ГЛАВА XLVIII

КОЛДУНЬЯ ОБМАНЫВАЕТ ФАРХАДА

*Мнимая отшельница. Клевета на Михин-Бану.
Ложная весть о самоубийстве Ширин*

ГЛАВА XLIX

СМЕРТЬ ФАРХАДА

Приступ безумия.

Фархад падает на камни и разбивается.

Прощание с жизнью.

Фархад передает ветерку свои предсмертные просьбы.

Последний вздох.

Скорбь и гнев животных и зверей

Перо, в одежду скорби облачась,
О скорби повествует в этот час.

* * *

Степей небытия добычей став,
Так от меча коварства пострадав,
Фархад был ранен в сердце, нет, оно
Все было пополам рассечено!

Он, ослабев, упал. Пытался встать,
Но, приподнявшись, падал он опять,
Не видя ничего перед собой,
На светлый мир глядел он, как слепой.

На жестком камне лежа, он вопил,
И в судорогах позвонки дробил.

И так он бился в твердый камень лбом, —
Чуть камень не разбил на месте том!

Струил потоки слез в последний раз
Он из своих уже незрячих глаз.

С несчетных ран повязки он срывал,
Весь хлопок в алой краске посрывал,

И хлопок алый разбросал вокруг —
Смотри: тюльпаны испещрили луг!

Кричал он, раны обнажая: «Вот —
Откройся жизни выход, смерти — вход!»

Его терзала смертная тоска,
И покидали сил живых войска.

Огня его печали черный дым
Клубился тучей бедствия над ним,

И туча, как Меджнун, скорбя о нем,
Сама кровавым плакала дождем.

Он весь в кровоточащих ранах был,
Как если бы весь в розах рдяных был.

Кровь капала на камни вокруг него,
Алела лепестками вокруг него,

Как осыпь роз... Нет, вид кровавых брызг
Был россыпью пурпурных жгучих искр!

Фархад кричал: «О смерть моя, приди!
О небо золотое, пощади!

Разбей мне голову скорей, — она
Мне ни на что отныне не нужна!

В мои глаза вонзи свое копье, —
Смотреть им не придется на нее!

Язык мне отсеки своим мечом, —
С кем говорить я буду и о чем?

Дыханья моего заткни трубу, —
О ком вздыхать, когда Ширин в гробу?

Переломай мне ноги, — все равно
Ходить к Ширин уже не суждено.

Нет, жизни вновь не разжигай во мне:
Я не согласен снова жить в огне!

Одним ударом грудь мне рассеки,
И сердце вынь и разруби в куски!

Отныне с ним уже не связан я!
Отдай меня во власть небытия!..

Делила горе ты со мной, любовь, —
Свою тебе я завещаю кровь!

Печаль разлуки! Бог — судья тебе:
Ты все взяла, все отдал я тебе.

Теперь меня на волю отпусти —
Дай плоти в прах рассыпаться, — прости!

О слезы! Вы лицо мое сожгли, —
Спасибо: сделали вы, что могли.

Взяв душу у меня, о ты, мой вздох,
Вручи ее моей любимой, вздох!..»

Со степью он прощался: «Степь, о степь

С меня уже упала жизни цепь!

Себя ты распростерла вширь и вдаль,
Чтоб убежал скорбящий в мире вдаль.

Страдальцев друг, отверженных оплот!
Тебе доставил много я хлопот.

Твой день, бывало, в ночь я превращал,
Так пыль вздымал и небо омрачал.

Тебя избороздил следами я,
Всю затопил тебя слезами я.

Прости, — страдала часто от меня, —
Избавишься сейчас ты от меня!..»

Степь огорчилась, ворот разодрал,
Посыпав черным прахом зелень трав.

Горе Фархад свой посылал привет:
«Уперся в небо мощный твой хребет.

Приют больным — подножие твое,
Но сердце как тревожил я твое!

Как мучила тебя моя кирка,
Но ты, могучая, была кротка!

За что навлек я на тебя позор,
Зачем с тобой завел неправый спор?

Я был жесток, а ты была добра.
В мой смертный час прости меня, гора!..»

И, гору опечалив до глубин,
Гранит ее он превратил в рубин.

И, руки простирая в небосвод,
Взывал он: «Умираю, небосвод!

Грабитель, притеснитель мой, внимли!
В последний раз кричу тебе с земли:

Хотя насилье, гнет — обычай твой,
А я был предан верности святой;

Хотя всю жизнь меня ты угнетал, —
Прости, — и сам ты от меня страдал!

Пыль я вздымал — и ты был запылен,
Был вздохами моими опален,

А скорби дым, которым я дымил,
Сиянье солнца твоего затмил.

Не золото вся россыпь звезд твоих —
То искры от костра скорбей моих.

Еще один, последний вздох издам —
И завершится счет твоим звездам.

А от меня не станет и следа,
Мой прах развеет ветром — не беда!

Но если плоть и превратится в прах,
Чтоб мелкой пылью странствовать в мирах,

Пусть эта пыль тебя не огорчит
И помыслов твоих не омрачит.

Иль лучше так: раз я с земли исчез,
Пускай сотрусь и в памяти небес!..»

А небосвод над ним уже пылал,
И тот огонь в его душе пылал,

И стал бродить в тоске смертельной он,
Предсмертною печалью угнетен.

И на свою кирку направил взгляд
И, с ней прощаясь, так сказал Фархад:

«О ты, моя помощница в труде,
Моя рабыня и мой друг в нужде!

Я и тебе доставил много мук,
Не выпуская день и ночь из рук.

Я с двух концов испытывал тебя,
Тобой гранит и так и так долбя.

Страдала ты, но как тверда была,
Как ты вынослива всегда была!

И за тебя болит душа моя,
Многострадальная тиша моя!

Простите гнет мой! Я отныне вам
Свободу и покой навеки дам!..»

И застонали тут кирка с тишой,
Как люди стонут от беды большой,

И головами бились о гранит:
«Скал не рубить нам, не тесать нам плит!»

Как дети за кушак отцовский, так
Они цеплялись за его кушак

И плакали: «В долине и в горах

Все рассечем — уйдем с тобою в прах!..»

* * *

Летела птица ль, проходил ли зверь —
Фархад к ним слово обращал теперь:

«Товарищи мои, мои друзья!
Навеки с вами разлучаюсь я.

Как братьев, как единоверцев, вас
Я так любил, любил всем сердцем вас!

Предательство, двуличье, ханжество —
Вот вечное людское естество.

Вы прямодушны, честны все, верны,
Природой из любви сотворены.

Сдружились вы в скитаниях со мной,
Братались вы в страданиях со мной.

Разлуки боль с родной страной мне
В чужой вы облегчали стороне.

Родных вы заменяли мне, друзей,
Вы были свитой преданной моей.

Куда бы я ни направлял стопы,
Не уклонялись вы с моей тропы.

И сколько ни стонал, ни плакал я,
Ни разу не видал, однако, я,

Чтоб тяготился кто-нибудь из вас
Моей тоской докучливой хоть раз.

Обязан всем вам очень многим я,
Четвероногие мои друзья!

И вам, пернатым, кто в палящий зной
Крылатым кровом реял надо мной,

Всем вам я благодарность приношу,
У всех у вас прощенья прошу!..»

Он горькими слезами залился,
А звери, возвышая голоса,

Завыли, ущемленные тоской,
Но без притворства, не как род людской!

Так непритворно люди, может быть,
В день воскресенья мертвых будут выть...

Когда зверям он высказал хвалу,

То смертный час пустил в него стрелу.

Он видел, что его конец пришел, —
Теперь на ум ему отец пришел.

* * *

А вспомнив об отце, он вспомнил мать —
И руки стал в отчаянье ломать:

«О смерть, скорее душу отними!
Меня хоть этой пыткой не томи!

Ужель страданий мало мне других,
Что в смертный час я вспомнил и о них?

Да, ты коварством вечен, небосвод!
О, как ты бессердечен, небосвод!

Так не ведется ведь у палачей,
Чтоб одного казнили сто мечей!

Чтобы кусочек хлопка сжечь, нужна
Не молния, — лишь искорка одна!

Я дотлевал уже, как головня, —
Зачем же ты опять разжег меня?!

Клянусь, будь ты немного хоть добрей,
Меня бы в прах воткнул ты поскорей!

О кравчий времени! Тебе упрек:
Зачем ты милосердьем пренебрег, —

Зачем отраву в чашу подсыпал
Тому, кто сам навеки засыпал?

Каким быть надо злобным палачом,
Чтоб даже мертвеца рубить мечом!..»

И обратился к ветерку Фархад:
«О ветерок, не знающий преград!

Во имя бога, взвейся и слетай
В мой милый край, в далекий мой Китай.

И прах моей отчизны поцелуй,
Но старого отца не разволнуй:

Ему не сразу истину открой, —
Речь поведи сначала стороной,

Потом скажи: «Твой сын, страдалец-сын,
Твой заблудившийся скиталец-сын,

Он — кровь твоя и кость твоя, и плоть,

Дар, коим одарил тебя господь, —

В раскаянье, в мучениях погиб,
Без твоего прощения погиб.

О, как была судьба коварна с ним!
Как был он ею день за днем гоним!

Иранский грозный шах — Парвиз Хосров,
Злой чародей, хитрец из хитрецов,

Хосров Парвиз, его заклятый враг,
Преследовал его за шагом шаг.

С таким врагом, будь честен враг и прям,
Фархад бы рассчитаться мог и сам.

Но кривды путь, обычай лжи избрав,
Хосров его осилил, в прах поправ.

О нечестивце говорить к чему?
Возмездие — один ответ ему!

И потому скажи, — просил Фархад:
«Храбрец Бахрам, мой друг, молочный брат,

Пусть войско соберет и пусть сюда
Придет он для кровавого суда.

Пусть кровь мою с Хосрова спросит он,
И голову с него да сбросит он!..»

И если эту огненную весть
Отец мой — шах — не в силах будет снести,

И всю беду поймет в единый миг,
И вспыхнут все на нем седины вмиг,

И в горе ворот раздерет он свой,
И станет биться об землю головой,

И возопит, беспомощен и стар,
И камнем скорби сам себе удар

Он в сердце нанесет, хотя оно
И без того разбито уж давно, —

Не допускай, чтоб он венец разбил,
Чтоб свой хаканский трон отец разбил!..

И ты отца утетишь, ветерок:
Мол, так предначертал Фархаду рок.

Любовь была в предвечности уже
Предопределена его душе.

Был смерти на чужбине обречен
Еще в утробе материнской он.

А то, что нам всевышним суждено,
То — рано или поздно — быть должно!

Пусть мне сужден безвременный конец,
Но вечно пусть живет мой шах-отец!

Развалится лачуга — не беда, —
Чертогу бы не рухнуть никогда!

С засохшею травой примиришь, —
Будь вечно зелен, гордый кипарис!..

И если весть о гибели моей
До материнских долетит ушей,

И, в горе разодравши ворот свой,
Мать воплем всполошит весь город свой

И обо мне, несчастном, сокрушась,
Забьется лбом о камень в этот час,

И, щеки исцарапав, станет мать
В отчаянье седины вырывать

И причитать: «Мой сын, ребенок мой!
Погибший, жертвенный ягненок мой»,

И если б воплей ураган сорвал
С ее лица все девять покрывал, —

Моей тоской над нею задыми —
Покровом ей да будет пред людьми!

Скажи: «Не убивайся так, скорбя, —
Не радовал он никогда тебя.

Иметь мечтала друга в сыне ты,
Но плакала и плачешь ныне ты.

Мечтала о рубине дорогом,
А получила рыхлой глины ком.

Просила солнца вечного огонь, —
Горящий уголь приняла в ладонь.

В садах все дети веселятся... ах, —
Я в детстве лишь грустить любил в садах!

Я тем несчастней был, чем был взрослей, —
Я разлучился с родиной моей.

С тех пор скитанья муки — жребий мой,

Огонь разлуки с сыном — жребий твой.

Хоть сжег тебя заблудший сын Фархад,
Прости его, не обрекай на ад!

О, ты простишь, но знаю наперед,
Что смерть твою мне не простит народ,

А раз меня народ мой не простит, —
Пусть и умру, все будет жить мой стыд!»

А если Мульк-Ара и друг Бахрам
Об участи моей узнают там, —

Сурьмы чернее станут лица их,
И киноварью слезы литься их,

И облачатся в черную кошму,
И это уподобится тому,

Как мир, о солнце вечером скорбя,
В палас ночной закутает себя

И до утра в долинах и в горах
Горюет, головой зарывшись в прах.

И Мульк-Аре ты скажешь, ветерок:
«Такую кару мне назначил рок.

А с небом спора не начнет мудрец,
Земли недолговременный жилец».

И передай Бахраму, ветерок:
«От вздохов и от слез велик ли прок?

Молочный брат, духовный мой двойник,
Товарищ верный мой, мой ученик,

Скорей сюда с войсками соберись,
Чтоб отомщенья не избег Парвиз!

И часу не теряй в пути — спеши,
Убийцу моего найти спеши —

Да отвернется небо от него! —
И кровь мою потребуй от него!..

Твой путь через Хотанский край пройдет.
Скажу — через земной он рай пройдет!

Четыре сада встретишь — те сады,
Где, как Плеяды, розы и плоды.

В садах четыре высятся дворца,
Что строились по замыслу отца.

Меня в саду весеннем помяни —
Слезинку цвета розы урони.

Ты вступишь в летний сад — и там пролей
Слезу о пальме гибели моей.

В саду осеннем вспомни о листке,
Что пожелтел и высох вдалеке.

В саду зимы вздох обо мне издай,
Чтоб инеем покрылся зимний рай...»

И так, о милый ветерок, шепни
Великому художнику Мани,

Чья кисть, благословенная судьбой, —
Китай навек прославила собой, —

Скажи ему: «Художник-чародей,
Которому нет равных среди людей!

Ты расписал мои дворцы, — они
Венец искусства твоего, Мани!

В них кистью ты своей запечатлел
Все, что свершить я в Греции успел:

Как в бой с драконом грозным я вступил,
Как Ахримана, духа зла, убил,

Как был сражен железный великан,
Как взят был Искандаров талисман,

Как я нашел Сократа, наконец,
И как меня благословил мудрец.

Вот счет великих подвигов моих,
И кистью ты увековечил их.

Исполни же завет предсмертный мой:
Со стен изображенья эти смой,

А что не смоешь — соскобли, сотри
Во всех дворцах снаружи и внутри.

Со всех айванов посрывай шелка,
Сожги, чтоб не осталось ни клочка...

Прости мне просьбу страшную мою:
Всю боль твою, художник, сознаю,

Но если мне судьба дает взамен
Души и плоти — лишь распад и тлен,

И если должен сам исчезнуть я

В неведомых мирах небытия, —
Не нужно мне и памяти земной, —
Пусть все мои дела умрут со мной.
Так для чего же красоваться мне
Подобьем бездыханным на стене?»
И передай Карену, ветерок:
«Фархаду пригодился твой урок.
Но твой Фархад, твой ученик погиб!
Он много нарубил гранитных глыб,
Но небосвод низвергнул их потом
На голову его густым дождем.
Он рушил горы — и прославлен был,
Но сам одной горой раздавлен был».
И вот о чем, Карен, тебя прошу:
Возьми свою кирку, возьми тишу —
Разбей тот камень, на котором ты
Резцом изобразил мои черты.
Пусть обо мне ни краска, ни гранит,
Ничто воспоминанья не хранит!...»

* * *

О странствующий в мире ветерок!
Ты пролетаешь вдоль больших дорог,
Порхаешь по долам и по горам,
По многолюдным шумным городам.
Всем истинным поклонникам любви
О гибели Фархада объяви:
«О подданные, умер ваш султан!
За вас Хосровом в жертву он заклан.
В одежды черной скорби облачась,
Сплотитесь, на Хосрова ополчась.
Пролейте на него горючий дождь —
Стрел ненависти вашей жгучий дождь.
Сожгите стопами дворец его,
Престол, венец, а также самого...»
И передай Шапуру, ветерок:
«Преподал миру дружбы ты урок,
Свою ты кровь глотал, со мной друга,

Отрады не видал, со мной дружа,
Со мной дружа, каких не пролил слез,
Каких печалей ты не перенес!
Но в дружестве других условий нет,
И да не будет до скончанья лет!
Да наградит тебя за это бог,
Свидетель моего завета — бог:
Карателем ты силам вражьим стань,
И над моей могилой стражем стань!..»

* * *

Тут речь его предсмертную глуша,
К устам Фархада подошла душа
И вмиг с душой возлюбленной слилась,
Огнем великих бед воспламенясь.
«Ла-Хавл! — он поспешил произнести, — [\[43\]](#)
Будь милостив ко мне, господь, прости!»
На долю скорби, горести, невзгод
Так много выпало в тот час хлопот,
И шум смятенья их был так силен,
Что жителей небес встревожил он.
Печаль осиротела. А любовь,
Что в пламя превращает сердца кровь,
На плечи черную кошму надев,
Во мрак повергла юношей и дев.
И звери, видя, что почил навек
Тот благородносердый человек,
Большие слезы пролили из глаз,
За упокой души его молясь,
Его убийцу разорвав в куски,
В себя вонзали когти от тоски.
Да, если ты не знал, узнай теперь:
Людей коварных благородней зверь!

* * *

Эй, кравчий, чару яда мне налей!
Яд смертоносный мне вина милей.
Возлюбленной я верен, как Фархад.
И умереть намерен, как Фархад!

ГЛАВА I

МИР МЕЖДУ ХОСРОВОМ И МИХИН-БАЛУ

*Звери охраняют труп Фархада.
Весть о чуде. Ропот народа в крепости.
Снятие осады. Ликование Хосрова*

ГЛАВА II

СМЕРТЬ ШИРИН

*Ширин переезжает в свой замок.
Шируйя^[44], сын Хосрова, загорается страстью к Ширин.
Отцеубийство. Послание Шируйи к Ширин.
Ширин прибегает к хитрости.
Шапур доставляет труп Фархада.
Вечная близость возлюбленных*

Кто словом сокрушенья начал речь,
Тот кончил похоронным плачем речь.

* * *

Когда была посажена Ширин
На царственный свой крытый паланкин,
Чтоб к месту исцеления спешить
И в том краю без тревоженья жить, —
Все воины Парвиза собрались
Взглянуть на ту, кого избрал Парвиз.
Столпившись пред носилками ее,
Они как будто впали в забытие, —
Скажи, что солнце, выглянув из туч,
В густую пыль направило свой луч!
Но в этот час произошло здесь то,
Чего и ожидать не мог никто:
Пришел полюбоваться на Ширин
И шах-заде, родной Парвизов сын,
Прославленный красавец Шируйя...
Как связана со всей рекой струя,
Как искра с пламенем костра, так он

Всем естеством был с шахом сопряжен.

Однако жил с отцом он не в ладах,
И не был также с ним сердечен шах.

Так издавна меж ними повелось, —
Все — несогласье, все — раздор, все — врозь...

Как весь народ, и Шируйя глядел
На паланкин. Вдруг ветер налетел —

И занавеску поднял, и на миг
Он той луны увидел светлый лик, —

Не говори — луны, — она была,
Как солнце, ослепительно светла!

Хотя всего лишь миг он видел ту
Мир озаряющую красоту,

В нем сразу вспыхнул страсти тайный жар,
Негаснувший, необычайный жар!

Лишась покоя, отстранясь от дел,
Ни днем, ни ночью он не спал, не ел.

И понял он, что жертвой должен пасть,
Что смерть — расплата за такую страсть,

Потом подумал: «Смерть?.. Но почему
Мне нужно умереть, а не ему?

Кто не боится смерти сам в любви,
Ужели не прольет чужой крови?

Ведь если устраню Хосрова я,
Мир будет мой и гурия — моя.

Все царство мне отцовское на что?
Подобных царств она сулит мне сто!...»

Он, в замысле преступном утвердись,
Вступил с военачальниками в связь.

А так как все границы перешло
Чинимое народу шахом зло,

То Шируйя войска к себе склонил
И постепенно весь народ сманил.

Таков был небосвода поворот!
Принес присягу Шируйе народ, —

Хосров был схвачен, в яму заключен,
Пощечинами даже посрамлен!

Но чтобы этой птице как-нибудь
Из темного гнезда не упорхнуть,

Чтоб мести от нее потом не ждать,
Решили ей покой во прахе дать...

Сын обагрил отцовской кровью меч!
Кто злодеянье это мог пресечь?

Закон любви таков, что вновь и вновь
За пролитую кровь ответит кровь!

Фархада погубил Хосров — и вот
Возмездие ускорил небосвод.

Терзал сердца народа властелин —
Убил его единородный сын.

Судьба на милость и на гнев щедра,
В потворстве и в возмездии быстра.

Невинному удара боль тяжка,
Но и суровой кары боль тяжка!

Чужую жизнь пресекший, знай: змея
Отмстительница тайная твоя!

Кто искру сделал грудой пепла, тот
Себе возмездье в молнии найдет!

Какое в землю сеял ты зерно,
Землей оно же будет возвращено.

А если так, то в брэнной жизни сей
Лишь семена добра и правды сей.

Кто сеял зло — себя не утешай:
Неотвратим твой страшный урожай!

Хосров Парвиз насилья меч извлек, —
В него вонзило небо свой клинок;

Пошел на преступленье Шируйя, —
Не жди судьбы прощенья, Шируйя!..

* * *

Когда Хосров был сыном умерщвлен,
Отцеубийца поднялся на трон

И возложил на голову венец
Правления тяжелого венец.

В нужде мы и убийце угодим:
Стал Шируйя царям необходим.

Пытался он Михин-Бану привлечь,
И сразу о Ширин завел с ней речь.

Ответила: «Она еще больна.
Оправится — решить сама вольна.

Ее судьба в ее руках, а я
Ни в чем ей не помеха, Шируйя!

Но лучше ты поговори с ней сам:
Захочет — я благословенье дам...»

Но так как грубым он невеждой был,
А страсть в нем разожгла надежды пыл,

То он кумиру своему послал
Письмо любви, в котором так писал:

«О гурия, ты обольщенье глаз,
Чью красоту я видел только раз!

Но, вспыхнув от ее огня, с тех пор
Ношу в душе пылающий костер.

О, ни Фархад, ни мой родитель-шах,
Клянусь, не мучились в таких кострах!

Отцовскую пролить осмелясь кровь,
Чем докажу еще свою любовь?

Никто таких страданий не терпел,
Какие мне любовь дала в удел.

Всю летопись судьбы перелистай
Лист за листом подряд — и прочитай

Все повести любви из века в век, —
Такой любви не ведал человек!

Хоть я владыкой стал, тебе скажу:
Я горькую утеху нахожу

В том, что, тебя любя, о мой кумир,
Себя на весь я опозорил мир.

Да, мне в позоре этом равных нет,
И мучеников столь бесславных — нет!..

Не отвергай, Ширин, моей любви
И к жертве страсти милость прояви.

О пери, обещаю мне ответь,
Надеждой на свиданье мне ответь!

Хоть я не жду отказа, но клянусь:

Ни перед чем я не остановлюсь,
И — не добром, так применяя власть,
Ответить на мою заставлю страсть!..»

* * *

Ширин, приняв посланье от гонца,
Лишилась чувств, не дочитав конца.

Она понять сначала не могла
Столь небывало страшные дела.

Но, долго размышляя над письмом,
Она, увы, уверилась в одном:

«Вот подлинно безумный, страшный тем,
Что чувство страха потерял совсем!

Кто мог отца с пути любви убрать,
Преступит все и может все поправить,

Чтоб своего достичь. Я цель его,
И ждать я от него могу всего.

Нет, не хочу я на него смотреть!
О боже, помоги мне умереть!

Да, смерть — одно спасение мое,
В ней вижу воскресение мое!..»

К такому заключению придя
И в нем успокоение найдя,

Она с довольным, ласковым лицом
Речь повела почтительно с гонцом.

Сказала: «Шаху передать прошу:
Я за него молитвы возношу.

Угодно было, видимо, судьбе
Хосрова бремя передать тебе.

И если жизни ты лишил отца,
То был орудием в руках творца,

И, значит, воли был своей лишен,
А сделал то, чего хотел лишь он.

Я ль не пойму страдания твои?
Сама я знала плен такой любви.

Ты слышал о Фархаде, кто гоним
И кто загублен был отцом твоим,

Кто был любви поклонникам главой,

Всем верности сторонникам главой?

Круговращенье вечное небес

Таких еще не видело чудес,

Такой любви, как между им и мной,
Примером ставшей для любви земной.

Не преходящей похотью сильна, —
Сильна была единством душ она!

Фархад низвергнут был Хосровом в ад,
И принял смерть из-за меня Фархад.

И я теперь в разлуке вечной с ним,
Но сердцем так же безупречно с ним.

Я заболела от тоски по нем
И чахну безнадежно с каждым днем.

Я птицей недорезанной живу
И непрестанно смерть к себе зову...

Но если шах действительно мне друг,
Он, может быть, поймет, что мой недуг

Тем более жесток, что милый мой
Еще поныне не оплакан мной.

И если б, как обычаи велят,
Я, завернувшись в черное до пят,

Здесь труп его оплакать бы могла
И скрытой скорби выход бы дала,

То, душу от печали облегчив,
Я жить могла б, недуг свой излечив...

Шапура в цепи заковал Хосров;
Освободи Шапура от оков —

И я с людьми туда пошлю его,
Где брошен труп Фархада моего.

Он привезет его ко мне — и я
Свою очищу совесть, Шируйя,

И, выплавав свою любовь к нему,
Покорной стану шаху моему.

А твой отказ — он приговор твой, шах,
Тогда меня получишь мертвой, шах!...»

Гонец понес царю, ликуя, весть.
Услышав от гонца такую весть,

Был счастлив Шируйя, повеселел —
И выпустить Шапура повелел.

Шапур пришел к Ширин и весь в слезах —
Ниц распростерся перед ней во прах.

И вся слезами залилась Ширин, —
Фархада вспомнила тотчас Ширин.

Настолько встреча их горька была,
Что почернело небо, как смола.

Но жалоб сердца отшумел поток, —
Настал для разговора дела срок:

Убрав тигровой шкурой паланкин,
Дала Ширин Шапуру паланкин

И, двести человек в охрану дав
И пышность царских похорон создав,

Отправила весь караван туда,
Где смеркла навсегда ее звезда...

Шапур с людьми ушел — и там, в горах,
Нашел того, кто рушил горы в прах

И кто теперь горою бедствий сам,
Мертв, недвижим предстал его глазам.

Не как гора! — зверями окружен,
Лежал как средоточье круга он.

Но звери разбежались от людей —
И люди стали на места зверей,

И на носилки возложили труп,
И шелком и парчой покрыли труп,

И почести, как шаху, оказав
И, плача, на плеча носилки взяв,

Печалью безутешною горя
И щедро благовоньями куря,

Так до дворца Ширин они дошли,
Фархада тайно во дворец внесли,

В ее опочивальне уложив
И ей затем, печальной, доложив...

* * *

Когда Ширин узнала, что такой
Желанный гость доставлен к ней в покой,

Она возликовала, как дитя,
Лицом в тот миг, как роза, расцветя.

Не только на лице, в ее душе
Следов страдания не было уже.

И, с места встав, легка и весела,
С ликующим лицом к Бану пошла

И так сказала: «Прибыл друг ко мне.
Хочу проститься с ним наедине.

Часы свиданья быстро пробегут, —
Пускай меня хоть раз не стерегут...»

И, разрешение получив, она
К себе в покой отправилась одна,

Решив достойный оказать прием
Возлюбленному во дворце своем:

«Он умер от любви ко мне — и вот
Мне верность доказать настал черед.

В своем решении до конца тверда,
Не окажусь я жертвою стыда.

Сердечно гостя милого приму:
Я жизнь свою преподнесу ему!

Но совесть лишь одно мне тяготит,
Один меня гнетет предсмертный стыд,

Одну ничем не искуплю вину, —
Удар, который нанесу Бану!...»

Омыв от жизни руки, в свой покой
Ширин вступила твердою ногой.

Покрепче изнутри закрыла дверь
И, не тревожась ни о чем теперь,

С улыбкой безмятежной на устах
Направилась к носилкам, где в цветах,

В парче, в шелках желанный гость лежал,
Как будто сон сладчайший он вкушал.

Но сон его настолько был глубок,
Что он проснуться и тогда б не мог,

Когда бы солнце с неба снизошло
И, рядом став, дотла б его сожгло!

Залюбовавшись гостя чудным сном,

Столь сладостным и непробудным сном,

Ширин глядела — и хотелось ей
Таким же сном забыться поскорей,

И с милым другом ложе разделить,
И жажду смерти так же утолить.

Свою судьбу в тот миг вручив творцу,
Она — плечо к плечу, лицо к лицу —

Прижалась тесно к другу — обняла,
Как страстная супруга, обняла, —

И, сладостно и пламенно вздохнув,
С улыбкой на устах, глаза сомкнув,

Мгновенно погрузилась в тот же сон,
В который и Фархад был погружен...

О, что за сон! С тех пор как создан свет,
От сна такого пробужденья нет!

Пресытиться нельзя подобным сном,
Хоть истинное пробуждение — в нем!..

* * *

Покрепче, кравчий, мне вина налей!
С возлюбленной я обнимусь своей.

Мы будем спать, пока разбудит нас
Дня воскресенья мертвых трубный глас!

ГЛАВА II

БАХРАМ ВОССТАНАВЛИВАЕТ МИР В СТРАНЕ АРМЕН

Смерть Михин-Бану.

Сон сорока отшельников. События в Китае.

Бахрам отправляется на поиски Фархада.

Плач Бахрама на могиле Фархада.

Шируйя возмещает убытки от войны.

Всенародный сход армян. Новый царь.

Бахрам и Шапур поселяются отшельниками вблизи гробницы Фархада

Кто плачем дом печали огласил,
Напев такой вначале огласил.

* * *

Михин-Бану, вся свита и родня
Напрасно ждали до исхода дня,
А все не возвращался их кумир.
И вечер опустил покров на мир, —
Ширин не шла... И, потеряв покой,
Направились они в ее покой.
Хотели дверь открыть — и не могли,
И выломали дверь, и свет зажгли,
И, занавес парчовый отвернув,
Оцепенели все, едва взглянув:
Фархад на ложе не один лежит, —
С Фархадом рядом и Ширин лежит
И друга обнимает горячо,
Прижав к лицу лицо, к плечу плечо.
Но, как Фархад, бестрепетна, нема,
Ширин, увы, была мертва сама!
Разлуке долгой наступил предел, —
Им выпал вечной близости удел...
Тела их бездыханные слились,
Как с гибкою лианой кипарис.
Но, мертвой увидав свою луну,
Могла ль снести удар Михин-Бану?
Сама пресытись жизнью в этот миг,
Стон издала она — не стон, а крик,
И сотрясла, смутила небеса,
И душу отпустила в небеса.
Всю жизнь она одной Ширин жила,
Скажи, что жизнь ее — Ширин была, —
И потому, Ширин лишась, она
Была мгновенно жизни лишена.
Вслед за душой ли вырвался тот стон,
Иль вылетел с душою вместе он?
Но пальма жизни сломана была, —
В веках лишь стебельком она была!
О дивная, о благодная смерть!
О, если б нам столь сладостная смерть!

Миниатюра из рукописи XV в.
«Фархад и Ширин»

* * *

Листы времен листая как-то раз,
В них обнаружил я такой рассказ:

Когда благодаря своей любви,
Неслыханной среди людей любви,

Прославился Фархад, и слух о нем
Распространялся дальше с каждым днем. —

То и в Китай, страну его отцов,
Проникла эта весть в конце концов.

А там — судьба, верша свои дела,
Немало перемен произвела.

Отец Фархада умер вскоре, — мать
Ушла за ним — зачахла с горя мать.

И так как сына был хакан лишен,
То младший брат его взошел на трон.

И стал при нем начальником войскам
Сын Мульк-Ары, Фархада друг — Бахрам.

Он, доблестью прославясь, был таков,
Что стал акулой грозной для врагов...

Фархада он вполне достоин был,
И весь Китай при нем спокоен был.

Но сам он потерял давно покой
И, по Фархаду мучимый тоской,

О нем расспрашивать не уставал
Всех, кто из дальних странствий прибывал.

Когда же слух о нем, — не слух, а шум! —
Уже и в Индустан дошел, и в Рум,

То чрез бродяг-дервишей и купцов
Проник в Китай тот слух в конце концов.

Принес Бахрам хакану эту весть:
«На западе, мол, государство есть —

Армен ему название. Этот край —
Прекраснее Ирема, сущий рай.

Там гурия живет — и, говорят,
Сошел с ума, в нее влюбясь, Фархад.

И если б соблаговолил хакан,
Повел бы я войска в страну армян,
Фархада б разыскал, помог ему,
А не нашел бы — так и быть тому...»

Хакан подумал: «Если слух не лжив,
То вряд ли все же мой племянник жив.

Но мне опасен может стать Бахрам.
Пусть он идет и пусть погибнет сам...»

Он разрешение дал Бахраму... Тот
Собрал войска и двинулся в поход.

Двойные переходы делал он,
На запад шел все дальше смело он,

И на страну армян — настал тот день! —

От войск его упала счастья тень.

Здесь истина ему открылась, здесь
Он разузнал и ход событий весь, —

И, пламенной скорбью обожжен,
Направился к гробнице друга он.

Бахрам одним утешиться бы мог, —
Был в горе он своим не одинок:

Фархада тот народ не забывал,
С его печалью он свою сливал...

Узнав, что друг был у Фархада там,
Велел Шапура пригласить Бахрам.

Пришел Шапур скорбящий — и вдвоем
Они о друге плакали своим.

А над гробницей так Бахрам вопил,
Что землю жаром скорби растопил.

Лицом припал к изножью гроба он,
И весь дрожал, как от озноба, он

И восклицал: «Фархад! Мой друг, мой брат!
Мою надежду ты унес, Фархад!

О, лучше б слепота глазам моим,
Чем увидеть Фархада мне таким!

Язык мой вырван из гортани будь,
Чтоб не сказал тех слов когда-нибудь!

Где с огнедышащим драконом бой,
Где с Ахриманом разъяренным бой?

Где меч твой, рассекавший ребра гор?
Где сотрясавший стены шестопер?..

Но ты устал, Фархад! Ты погружен,
Оказывается, в слишком крепкий сон!

Очнись же, наконец, глаза открой, —
Пришел к тебе твой друг, товарищ твой.

Потряс я воплем небеса! Проснись!
Весь мир в огне! Открой глаза! Проснись!

Ты спишь!.. Так, значит, правду говорят,
Что сон и смерть — одно?.. Ты мертв, Фархад?!

Был у тебя такой, как я, слуга,
А ты погиб от подлого врага!

О, если б за тебя мне жертвой лечь!..
Но если обнажить возмездья меч —

И если страны недругов твоих
Опустошить, сровнять бы с прахом их,
Обрушить горы в море, чтоб вода
Их степи залила и города

И чтоб водовороты лишь одни
Напоминали, что в былые дни

Стояли минареты здесь, и вот —
Все стало навсегда добычей вод...

Нет, нет! Ведь если, мстя за кровь твою,
Кровь сотен тысяч я теперь пролью, —

К чему мне кровь такая?! Все равно
Твой дух обрадовать мне не дано!

А если так, — кушак и меч к чему?
И в жгучих мыслях душу сжечь — к чему?

И латы и кольчуга для чего?
И лук и щит без друга — для чего?

Героем как считаться мне теперь?
Как ездить мне на скакуне теперь?

Как на пиру теперь веселым быть, —
С каким же сердцем стану чару пить?

Клянусь, что без тебя, о мой Фархад,
Мне пир не в радость, а вино мне — яд!

Мое вино — боль укоризны, скорбь,
Одно мне остается в жизни — скорбь!..

Иль самому мне булавой своей
Покончить с бедной головой своей?..»

Так он рыдал, Бахрам так причитал,
И весь народ там плакальщиком стал.

* * *

Уняв печаль, поцеловал он прах
И, выйдя, начал думать о делах.

Он к Шируйе послал приказ, чтоб тот
Пришел — и личный дал во всем отчет:

«Коль зла не делал другу моему,
Его с почетом, с лаской я приму;

А коль уверюсь я в его вине, —
То буду знать, что надо делать мне!»

Испуг напал на шаха Шируйю, —
За голову боялся он свою.

И Шируйя Шапура пригласил —
Заступничества у него просил:

«Свидетелем да будет честь твоя:
В крови Фархада не повинен я.

Его убийцу я казнил потом,
Хотя он был моим родным отцом.

Об этом ты Бахраму доложи,
Без кривотолков, прямо доложи,

Скажи, что я готов служить ему,
И власть его покорно я приму.

Одну лишь милость да проявит он —
От встречи с ним пускай избавит он.

Уговори его — и я тогда
Твой друг и раб до Страшного суда!..»

Шапур исполнил просьбу — и Бахрам
Сказал: «На это я согласье дам.

Однако же армянская страна
Хосровом так, увы, разорена,

Народ такие пытки претерпел,
Такие он убытки потерпел,

Что даже и прикинуть трудно мне,
Какой понес ущерб он на войне.

Да будут все убытки сочтены —
И Шируйей сполна возмещены.

Когда он уболаготворит армян,
Тогда его я выпущу в Иран,

Однако пусть сначала присягнет,
Что столько же оттуда он пришлет...»

Почел за милость Шируйя приказ,
Казну свою опустошил тотчас —

И весь ущерб, что принесла война,
Армянам тут же возместил сполна.

А возвратясь в Иран, как присягал,

Он без задержки столько же прислал...

* * *

Бахрам велел созвать народный сход
И спросил армянский весь народ:

«Фархада ради кто из вас терпел
Парвизов гнет и разоренье дел?

Кто потерпел ущерб — скажите мне,
И радуйтесь: я уплачу вдвойне».

В ответ на речь его со всех сторон
Раздался шум смятения — плач и стон:

«О, за Фархада все молились мы!
Стать жертвой за него стремились мы!

Скорбим поныне мы всегда о нем
И эту скорбь деньгами не уйдем!..»

Бахрам назначил счетчиков, вдвойне
Плативших пострадавшим на войне.

И заложить затем решил Бахрам
Основу и величье царства там.

Он вызвал всю родню Михин-Бану,
Нашел среди них ровню Михин-Бану:

Достойный муж, светило меж светил,
Кто мудростью Бану превосходил.

Его, как падишаха, на престол,
Герой Бахрам торжественно возвел,

Дабы народу в государстве том
Стал мудрый муж покровом и щитом;

Дабы, держась державных правил там,
По справедливости он правил там;

Чтоб заново страну отстроил он,
Ее богатства чтоб утроил он.

Народам и державам — там расцвет,
Где справедливость есть, где гнета нет!..

И это все царю армян внушив
И так устройство царства завершив,

Китайские войска созвал Бахрам
И роздал всю свою казну войскам,

Сокровища и деньги роздал всем

И начал с извиненья речь затем:

«Со мной столь трудный совершив поход,
Перенесли вы множество невзгод,

Теперь вернитесь к семьям, по домам,
К своим хозяйствам и к своим делам.

Хакану так скажите обо мне:

«Нашел Бахрам Фархада в той стране,

Обрел теперь Бахрам к блаженству путь,
Прости, хакан, здоров и счастлив будь!»

* * *

Бахрам, такую речь войскам сказав
И путы связей с миром развязав,

От праха мира отряхнул подол, —
К Фархадовой гробнице он ушел.

А с ним — Шапур. Вблизи нее в те дни
Отшельниками зажили они.

Так этот путь смиренья стал для них
Желанней всех богатств и царств земных...

Примеру их последуй, Навои,
Осуществи желания свои!

* * *

Мне чару униженья, кравчий, дай!
Вина уничтоженья, кравчий, дай!

Быть может, ощутив его во рту,
Я тот же путь спасенья обрету!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Быстробегущий небосвод, внемли!
Покоя алчет слабый сын земли.

Лекарство дай от робости моей,
Избавь меня от клеветы людей.

Коварный недруг чтобы не вонзал
Мне в сердце сотни ядовитых жал,

Чтоб, превратясь для стрел обид в мишень,
Мозг не гудел, как улей, целый день;

Чтоб сердца разоренная страна

Мир обрела, была возрождена.

Пусть расточитель и завистник-плут
Сочувствия у шаха не найдут.

Пускай не валит на меня вины
Тот, чьи поступки каждому видны.

Пусть на мои страдания взглянет шах —
И милостив ко мне да станет шах.

Чтоб радости не ведал клеветник,
Чтоб радости моей расцвел цветник!

Чтобы в течение суток каждый час
Я мог вздохнуть свободно хоть бы раз;

И сердце застучало бы ровней
И не сжималось так в груди моей;

Калам в руке старательней бы стал,
Я сам к словам внимательней бы стал.

И, если б я очистить чувства мог,
Поднять бы и свое искусство мог.

И если счастья моего звезда
Не станет мне завидовать тогда, —

Пусть от людей я буду в стороне,
Покой да предоставлен будет мне.

Все должности с меня да снимет шах,
Чтоб я стихи слагал не впопыхах,

Пусть я у шаха иногда найду
И благосклонность к своему труду.

Я — не Хосров, не мудрый Низами,
Не вождь поэтов нынешних Джами,

Но так в своем смирении скажу:
По их стезям прославленным хожу.

Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда, Гянджу и Рум;

Пускай такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан;

Пускай на весь Иран поет Джами,
В Аравии в литавры бьет Джами, —

Но тюрки всех племен, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены!

Я войск не двигал для захвата стран,
Но каждый раз я посылал фирман.

Скажи: писал я дарственный диван
Не так, как государственный диван —

И от Шираза до степей туркмен,
От Хорасана до китайских стен, —

Где б ни был тюрк, — под знамя тюркских слов
Он добровольно стать всегда готов...

И эту повесть горя и разлук,
Страстей духовных и высоких мук

Писал я вдохновенно день за днем
На милом сердцу языке родном.

О боже мой, тебе — моя хвала!
Твоя десница мой калам вела

И не закрыла книгу дней моих,
Пока не прозвучал последний стих!..

Год написанья книги: восемьсот
И восемьдесят девять. Дни не в счет. [\[45\]](#)

* * *

Побольше чару, кравчий! Поспешу, —
Чтоб друг поднес друзьям от всей души.

Полней налей, — хоть миг передохну:
Стоянки я достиг — передохну!

Примечания

1

Быстрей Шебдиза ты, но мастью гнед. — Шебдиз — имя легендарного вороного коня сасапида Хосрова, героя поэмы Низами «Хосров и Ширин». Но мастью гнед. — Навои имеет в виду кончик калама (пера), обмакнутого в чернила.

2

Тот, чей в Гяндже лежит священный прах. — Имеется в виду великий азербайджанский поэт Низами.

3

На Инде певший соловей один. — Речь идет о знаменитом индо-персидском поэте Эмире Хосрове из Дели.

4

Прославился, как Зиндепиль, Джами. — Буквально «Зиндепиль» означает: «вечно живой слон» — так был прозван известный шейх Ахмеди Джами (1049 или 1050–1141 или 1142).

5

Скажи, что он великий материк. — Имеется в виду священный город мусульман Мекка. В целом же этот сложный поэтический образ означает, что великий Джами лишен плоти, словно он — сама святыня.

6

Для двух миров Джами кумиром стал. — То есть для мира физического и духовного, для людей и духов.

7

Но чтоб ронял жемчужины тростник. — Стихи Джами сравниваются с жемчужинами, которые роняет тростник.

8

Эй, кравчий! Понимай слова гуляк. — Здесь «гуляки» — люди, упивающиеся духовным вином.

9

Меркурий все очинки подбирал. — Согласно восточной астрологии, Меркурий (Утарид) — покровитель науки, которого на миниатюрах изображали в образе писца.

10

Халвой Шекер, шербетом Мариам. — Шекер — исфаханская красавица, на которой, по словам Низами, женился Хосров после смерти своей первой жены Мариам, дочери византийского кесаря.

11

Слова начала людям по душе. — Навои говорит о том, что начинать любое, даже новое произведение, лучше, следуя старым поэтическим канонам, иначе мысль поэта может быть искажена.

12

«Алиф» у веры отними — она... — Если у написанного арабским шрифтом слова «Иман» (вера) отнять первую букву «алиф», оставшееся начертание будет означать — злой, дурной.

13

Мы в солнце видим золото. Заметь: // «Шин» отпадет — и остается медь. — Если у арабского начертания слово «шене» (солнце) отнять первую букву «ш» («шин»), оставшееся начертание будет читаться «мис» — медь.

14

Был до седьмого неба высотой. — То есть до самой высокой небесной сферы, повелителем которой был Сатурн.

15

Таких богатств не видел Афридун. — Афридун (Фаридун) — мифический царь древнего Ирана, один из главных героев «Шах-наме» Фирдоуси.

16

Нет ни морщинки на ее чертах. — В оригинале здесь игра слов: «чин» означает «Китай» и в то же время «морщина, складка». Этот сложный поэтический образ можно расшифровать так: «Даже степи и солончаки Китая от радости стали веселыми, как города», то есть если среди ровных степей Китая еще имелись неровности, морщины, то это были города.

17

Прибавлен блеск и Рыбе в глубине. — То есть красота младенца сияет на весь мир — от лунной сферы до самых глубей земли. Кроме того, здесь игра слова: рыба — махи, а луна — мах.

18

Блеск — это «фарр», а знак судьбы — «хади». — Навои приводит фантастическую этимологию древнего имени Фархад. «Фарр» — это божественная благодать, которая, по древним представлениям, осеняет только представителей царского дома. Хади (арабское) — водитель, указывающий путь к истине.

19

Сложи пять первых букв, прочтешь: «Фархад». — В начертании арабским шрифтом имя «Фархад» состоит из пяти букв.

20

Невеста небосвода день и ночь. — Здесь слово «небосвод» имеет значение «судьба», «мир». В восточной поэзии мир обычно сравнивают с женщиной, ибо он так же непостоянен, как коварная красавица. Называя мир «невестой», Навои хочет подчеркнуть, что судьба ласкова к Фархаду, как любящая невеста.

21

То телом точка для него была. — В геометрии — точка, величина воображаемая, но для мудрого наставника даже и это абстрактное понятие может быть телесным.

22

Науку с корешка — от «Алиф-Би». — «Алиф» и «Би» — название первых двух букв арабского алфавита и вместе с тем само слово «алфавит».

23

«Алиф» воспринял как «алам» Фархад. — «Алам» — горе.

24

Он в первый день освоил весь абджед. — Таблица, обозначающая числовое значение букв арабского алфавита. Первое слово этой таблицы «абджед» составлена из букв а-б-дж-д, обозначающих цифры 1—2—3—4.

25

Когда б он руку Руин-Тену сжал. — Руин-Тен, что в переводе означает «обладающий бронзовым телом», то есть неуязвимый, — прозвание героя иранского эпоса Исфандиара.

26

Решила изогнуть «Алиф», как «Даль». — «Даль» (дал) — шестая буква, представляющая собой изогнутую линию.

27

Вазиру имя было Мульк-Ара. — Мульк-Ара — в переводе означает «украшающий царство».

28

Зеркало Искандара. — Искандар — Александр Македонский (355–323 гг. до н. э.), завоеватель из Македонии, основатель великой империи, который, как об этом рассказано в поэме Низами «Искандар-наме», считался на Востоке изобретателем зеркала.

29

Он, как Букрат, велик, стократ мудрец! — Букрат — Гиппократ (460–356 гг. до н. э.), знаменитый греческий врач с острова Коса.

30

Поднес ему и чашу мира он. — Здесь: чаша мира — зеркало Искандара (см. прим. 28).

31

Изъяны в виде старца — на луне. — Видимый невооруженным глазом лунный диск на

Востоке считается похожим на лицо старика.

32

Затопит и девятой сферы даль. — За семью небесными сферами, в которых движутся планеты, по представлению восточных астрономов, находится еще девять небес, далее следует «неподвижное небо». Выражение «до девятой сферы» — означает до самого возможного предела высоты.

33

То ночь — Лукман, глубоко омрачась. — Лукман — легендарный арабский мудрец и врач, которому приписывается множество метких афоризмов и изречений.

34

На лик ее венец не бросил тень. — Это значит, что Михин-Бану не суверенный правитель, а лишь могущественный вассал.

35

А прозван был в народе он Гульгун. — Гульгун — буквально означает «розовоцветный», здесь: кличка коня Михин-Бану.

36

Что те же губы рассыпают соль. — Соль — традиционная для восточной поэзии метафора, означающая остроумную речь.

37

Что зодиака знак облюбовал. — Это выражение означает, что Солнце (Ширин) решило войти в знак Водолея, иначе говоря она решила подойти к вырытому арыку.

38

Но ветерок, чья ноша серебро. — Быстроногий конь сравнивается Навои с ветерком, а Ширин — с серебром.

39

Бывали звезды нижние видны. — То есть герои наблюдали, как в воде отражались звезды.

40

Вообразишь мои две розы ты. — Здесь: розы — щеки.

41

Царицею Билькис сочти меня. — Билькис — имя легендарной царицы Савской, которая, по легенде, была влюблена в Сулеймана. Сулейман — библейский царь Соломон, которому, по преданию, было известно таинственное «высшее имя» бога. Оно было вырезано у него на перстне, и, владея этим перстнем, он повелевал не только людьми, но и зверями и духами.

42

Но четырех ей мало было глаз. — Четырехглазой называется собака с пятнами над глазами. Выражение «смотреть в четыре глаза» значит — нетерпеливо всматриваться.

43

«Ла-Хавл!» — он поспешил произнести. — «Ла-Хавл!» — первые слова молитвенной формулы: «Нет силы и нет могущества, кроме как у аллаха всевышнего».

44

Шируйя (ум. в 628 г.) — сасанидский царь.

45

Год написанья книги: восемьсот // И восемьдесят девять. Дни не в счет. — 889 г. от хиджры по мусульманскому летосчислению соответствует 1484 г.